

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДМИТРИЙ САМОХИН
РОЖДЕН БЫТЬ
ОПАСНЫМ

Ларс Русс

Дмитрий Самохин

Рожден быть опасным

«Автор»

2004

Самохин Д.

Рожден быть опасным / Д. Самохин — «Автор», 2004 — (Ларс Русс)

За ним охотятся все спецслужбы мира, а он лишь смутно догадывается о том, что его жизнь – результат какого-то дьявольского эксперимента. Ему нет покоя ни на Земле, ни в космосе. Охотится и он – за своим забытым прошлым... Назвав себя Ларсом Руссом, он будет долго вспоминать свое настоящее имя.

© Самохин Д., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	16
Глава пятая	21
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	31
Глава девятая	35
Глава десятая	39
Глава одиннадцатая	43
Глава двенадцатая	48
Глава тринадцатая	51
Глава четырнадцатая	55
Часть II	59
Глава первая	59
Глава вторая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дмитрий Самохин

Рожден быть опасным

Часть I

Сезон охоты

Глава первая

... Ведь человечество было для него миллиардом жадно разинутых ртов. Он должен был просыпаться по ночам от ужаса. Это воистину чудовищный кошмар: миллиард разинутых пастей и ни одной головы!
А. и Б. Стругацкие. Хищные вещи века

На сегодняшний вечер этот стакан виски был третьим, но не последним, хотя далее задерживаться в баре, декорированном под старину, я не намеревался. Слишком рискованно. Я проторчал в этом дикозападном заведении больше двадцати минут, хотя в моем формате дольше десяти задерживаться нельзя, а пятнадцать – так просто опасно. Но мне было на все наплевать. Сколько себя помню, всегда от кого-то приходилось убегать, однако в один прекрасный момент мне это надоело. Как это достает, когда в каждом прохожем ты видишь убийцу и начинаешь прикидывать, как быстрее, чем он, и качественнее избавиться от головной боли.

Выкинув на барную стойку десять кредиток одной бумажкой, я, не дожидаясь, пока она исчезнет, поднялся и почувствовал, как пол слегка качнулся под ногами, будто я вновь оказался на палубе круизного теплохода, совершающего кругосветное путешествие, на котором мне удалось в относительном спокойствии отдышаться три дня, пока меня не засек один из агентов службы безопасности и не высветил мою фотографию по компьютерной полицейской сети. В порту Бангкока меня уже ждали, но им ничего не досталось, кроме повесившегося теплоходного агента.

Я сделал три неуверенных шага к двери, которая двоилась на экране моего восприятия, и вдруг вспомнил, что забыл свою шляпу «а-ля гангстер» на стойке бара. Я повернулся к ней, протянул руку и, пошатнувшись, почувствовал пальцами колебание воздуха. У меня на глазах шляпу разорвало в клочья автоматной очередью, которая сняла по пути двух посетителей, изрядно набравшихся и безымянных. Теряя опьянение, как мелочь из дырявого кошелька, я прыгнул за стойку, выдергивая из кармана «Игл» сорок пятого калибра. Пушка, выстрелом из которой можно стену бетонную пробить. Убойная вещь. Она обошлась мне в тысячу кредиток и не раз выручала из передраг.

Агентов, пришедших за моей жизнью, я заметил в барном зеркале между бутылками. Вернее, не их, а отражения, но и этого было достаточно, чтобы сориентироваться и просчитать свое дальнейшее поведение.

Проползая под стеклянным ливнем от разбиваемых пулями бутылок, я наткнулся на что-то мягкое, что не преминуло на меня зашипеть женским голосом и обвинительным тоном заявить:

– Ты сломал мне ноготь, урод!

– Скажи спасибо, что голову не проломил, – процедил я, скорее для себя, чем для ее ушей, но девушка меня услышала и тут же отозвалась, словно подтверждая известную поговорку: «Дай бабе повод, и болтать она будет до конца света».

– Ой, спасибо, ну, надо же какой благородный нашелся, может, тебе еще и бабок отмакать за такую щедрость, твою мать?!

Я промолчал, выжидая мгновение, когда стрекот автоматов затихнет. По моим расчетам, патроны в обоймах у них уже должны были кончиться. И я оказался прав.

Я выкатился из-за стойки по стеклу, распарывая на себе одежду, держа пистолет на вытянутых руках перед собой. Мое появление для трех стройных, одинаковых с лица «людей в черном» было неожиданным и смертельным. Выучка их подвела. Видать, совсем недавно на службе.

Двумя кашлями «Игла», особо не прицеливаясь, я разmozжил головы двум из них, а третьему разнес в ключья шею.

Просканировав взглядом пространство бара, я отметил, что больше агентов нет, и вскочил на ноги.

– А меня ты оставишь на растерзание этим обезьянам, супермен – раздался позади меня голос девушки, поднявшейся из-за стойки. Она обворожительно мне улыбнулась и приоткрыла разрез платья, так что мне стала видна ее грудь, что не оставляло сомнений в отношении ее намерений.

Не обратив внимания на ее прелести, я бросился ко входной двери.

Женщина для меня в сложившейся ситуации – это лишний балласт, сковывающий мои движения и дающий агентам, рыскающим за мной по всему земному шару, добавочные очки.

У входной двери я наклонился к телу мертвого агента с дыркой в гортани и вырвал из его рук миниавтомат «Шмель» четвертого поколения. На поясе у агента нашлись две запасные обоймы. Перезарядив автомат, я, не оборачиваясь, покинул разгромленный бар.

Улица встретила меня сплошным огнем, в котором был лишь один просвет, куда я, не мешкая, и нырнул, отметив краем глаза, что на воздухе меня пасут еще трое агентов в штатском, то есть «в черном». По пути я снес мусорный бак, который негромко рванул заложенным зарядом взрывчатки, перекинулся через корпус мерса, припаркованного у кабака, и из-за капота открыл шквальный огонь из «Шмеля», успев пожалеть, что не прихватил второй автомат, благо ситуация позволяла.

Я скрываюсь уже тринадцатый месяц, и никогда еще ко мне так близко не подбирались.

Восемь месяцев назад я, по собственному желанию, вопреки воле своих тюремщиков, покинул клинику, где я содержался с тех пор, как потерял память. В этой клинике, помимо меня, находилось еще двенадцать пациентов. Я был тринадцатым. Нас лечили и проводили над нами опыты с применением новых лекарственных препаратов против амнезии – так нам говорили. Так нам лгали. И мы им верили, пока постепенно на опытах не стали пропадать наши товарищи. Утром их уводили люди в белых халатах, к вечеру они не возвращались.

Из тринадцати пациентов остались в живых к концу месяца лишь двое: я и Рустам. Нас все так же водили на опыты, все так же пичкали лекарствами, и все так же мы в обязательном порядке два раза в неделю посещали психолога, который надоедал глупыми вопросами и заставлял рисовать. Для чего ему понадобились мои психоделические рисунки, я не ведаю.

Однажды вечером мне удалось подслушать разговор. Его вели между собой двое врачей в экранированном кабинете, который мне поручили прибрать. Я замешкался и оказался спасен. Мне удалось узнать такие факты, которые перевернули весь мой мир, все мое представление о происходящем. После того как врачи разобрались по своим делам, мне удалось выбраться из комнаты и добраться до палаты, которая сверкала белыми стенами и пустыми застеленными койками, как в покойницкой. Я хотел предупредить Рустама и выработать совместно план дальнейших действий. Но Рустама в палате не было. И койка его оказалась заправленной, что могло означать лишь одно: предупреждать уже поздно, а план мне придется разрабатывать в одиночку.

В ту же ночь я напал на медбрата, которому с легкостью, достойной бойца кунг-фу, свернул шею, хотя и не намеревался этого делать. Я думал, что уложу его, выведу из сознания, но никак не убью. Не рассчитал сил, и треснули позвонки, сворачиваемые на сторону. У медбрата я забрал идентификационную магнитную карту, которая позволила мне безопасно покинуть стены больницы, почему-то обнесенной бетонным забором с крученой колючей проволокой поверху и оборудованной двумя контрольно-пропускными пунктами, где пригодилась похищенная магнитная карта. Также в карманах халата у медбрата я нашел компактный иглопистолет, выстрелами из которого я умиротворил восемь человек охраны на последнем КПП. Они засуетились. Видно, все-таки сообразили, как подозрителен медбрат, который в середине своего дежурства попытался покинуть рабочее место. Охранники даже не успели взяться за оружие, когда я в упор расстреливал их из иглопистолета. Не все из них смогли выжить в том прорыве. Капсулы, которыми я стрелял, содержали концентрированные дозы снотворного. Те из охранников, кому достались три-пять капсул на тело, навсегда остались на попечении государства, которое было обязано бесплатно похоронить своего служащего, погибшего на боевом посту, и оплатить безбедную жизнь его семейству.

На мертвом контрольно-пропускном пункте я задержался немного, чтобы обыскать карманы неподвижных охранников. В том мире, который меня ждал за пределами знакомой до боли больницы, я ничего не знал и не умел, а передвигаться мне предстояло с поспешностью комара, чтобы не быть убитым. Я отчетливо понимал, что меня будут преследовать, но я не мог оставаться дольше в больнице, потому что мне это грозило смертью.

В карманах охранников я нашел восемь тысяч кредиток. Видно, именно в этот день они получили зарплату. Так что мне повезло. Переодевшись в штатский костюм, который я снял с одного из мужиков, распластавшихся на полу и не шевелившихся, я покинул больницу, начав восьмимесячный марафон, ставкой в котором была моя жизнь.

Уничтожив агентов, которые подстерегали меня на воздухе, я ушел с площади по крышам близлежащих домов. И спустился на землю лишь через два квартала, где местность представлялась не опасной. И агентов не предвиделось. Последний, кого я засек, упал с крыши, пораженный очередью «Шмеля». Они для меня все были на одно лицо. Первые три месяца я вел им счет, но когда их цифра уплыла в заоблачную даль трех сотен, я перестал считать и просто убивал, спасая свою жизнь. Ведь стреляли они в меня на поражение и не намеревались брать живым для последующего ареста, суда и длительного заключения. Им было нужно меня убрать. Живой я опасен. Я рожден быть опасным.

Спустившись с восьмого этажа, я остановился перед дверью подъезда, не решаясь выйти наружу. Усталость – мой неизменный спутник в этом восьмимесячном марафоне смерти. Сердце колотилось, как загнанная лошадь, у которой того и гляди хлынет из пасти кровь, и она издохнет в конвульсиях. Душа скручивалась от боли. Кто бы знал, как мне надоело убегать, убивать и скрываться – три действия, выученные мной наизусть. В этом я стал профессионалом. Я ощущал себя одиноким. Я был братом всем людям, что окружали меня на улице, но они не были готовы признать меня братом. Они видели во мне чужака. Вернее, они во мне никого не видели, пока по мне не начинали стрелять.

Мне хватило двадцати секунд, чтобы задавить в себе гнездо паразитов саможалости и наполниться ненавистью к окружающему миру, в котором мне безвыходно приходилось жить. Я прислонился лбом к холодной древесине двери, чтобы охладить голову и набраться решимости. До моего логова оставалось еще, как минимум, три километра, разложенных в извилистых улочках, и эти три километра мне нужно было преодолеть, не привлекая к себе внимания.

Я рванул на себя дверь и столкнулся взглядом с дулом автомата. Тут же мне в голову выпустили очередь, от которой я лишь чудом увернулся. Очередь разметала в щепу дверь за

моей спиной. Я ухватил человека, стрелявшего в меня, за руку и сломал ее, просто, как лучинку для растопки камина, после чего от пояса раскромсал его живот из «Игла».

Неизвестный, целившийся в меня, был из вольных охотников, которых подключала Служба Безопасности Земли для поимки особо опасных преступников. Она обещала за голову разыскиваемого крупную сумму, и контракт выполнялся в укороченные сроки.

За восемь месяцев бегства этот охотник на моем счету был тринадцатым.

Несчастливое число.

Оставив неподвижное тело возле парадной, я спрятал «Шмель» под пальто и неспешно двинулся к площади Конституции, стараясь слиться с толпой.

Люди, окружавшие меня, не обращали на меня внимания. Они не знали, что минуту назад я убил одного из них. Они обтекали меня. Они не ожидали от меня смерти. А любого из них я мог в эту же минуту укокошить. Я мог перечеркнуть их жизнь раз и навсегда. Я презирал их за то, что они боялись таких, как я. За то, что такому, как я, они были готовы в одну секунду выписать билет в ад в один конец. За то, что они не считали меня человеком.

Я не считал их достойными жить!

Глава вторая

*Жизнь – явление эпизодическое и не дает солдату никаких опорных временных вех, на которые можно было бы рассчитывать, планируя ее.
Джо Холдман. 11 тезисов военнослужащего Холдемана*

Мое логово располагалось в старых заброшенных доках. Когда-то эти доки в левобережном порту принадлежали крупной торгово-промышленной корпорации, которая два года назад обанкротилась. Все ее имущество было пущено с молотка, в том числе и доки. Но те, кто купили доки, не смогли их поднять и разработали лишь их часть, которая нормально функционировала. Другая половина, в которой я устроил свое лежбище, пребывала в запустении, как рай, когда это пригрознее место покинули последние обитатели, Адам и Ева.

Вы спросите, откуда я все это узнал. Все очень просто, до смехотворности. Логово свое я оборудовал в бывшей комнате охраны, где еще сохранилась кое-какая электроника, которую не успели растащить местные бичи. К этой электронике при помощи своего ноутбука, украденного из магазина, я подключился, и мне удалось кое-что скачать. Правда, большую часть информации я вызнал из газетных вырезок, расклеенных по стенам.

Эти вырезки были моим главным чтивом в долгие нудные вечера. Вырезки, книга какого-то писателя, чью фамилию я не запомнил, под названием «КОМА» (ее я скачал из сети), да две сетевые игры историко-реалистичной направленности. Я в роли экранного рыцаря сражался с моими сетевыми противниками, и даже в электронной реальности мне всегда удавалось побеждать. В сети я был всесилен на всех игровых серверах. Обо мне слагались легенды. Легенды о ДУСТЕ. И как бы я в дальнейшем не менял свой ник, после получаса игры, когда мне удавалось уничтожить большую часть противников, во мне вычисляли ДУСТА. Именно благодаря ДУСТУ меня нашла Служба Безопасности Земли. ДУСТ засветил мое логово, которое надежно скрывало меня полторы недели. Теперь мне придется съезжать.

Покидать свое тринадцатое убежище.

Вернувшись в логово, я окинул взглядом комнату, которая служила мне тринадцать дней домом, и с сожалением стал собирать вещи. Вещей у меня было немного. Все, что мне было нужно для жизни, я брал в магазинах бесплатно. А нуждался я лишь в малом – пище, одежде и оружии.

С оружием у меня было плохо. Я это сразу определил, осмотрев «Шмель» и «Игл». Для «Шмеля» осталась лишь одна обойма. С «Иглом» было полегче – две. Но этого было мало для дальнейшей жизни. Стало быть, первое, что нужно сделать после того, как я покину доки, это раздобыть оружие.

Собрав легкий рюкзак, я накинул его на плечи и задумался о том, куда мне идти дальше. Нужно покидать город. Но как? Через аэропорт – дорога закрыта. Слишком много будет жертв, да и агентов сейчас там пасется толпа немереная и нестреляная. Вокзалы также исключаются. В поезде меня быстро вычислят, да и поезд движется настолько медленно, что прикончить меня в нем будет легче легкого. Самолет и поезд не подходили еще по одной причине. Их можно было уничтожить на расстоянии. Самолет – сбить ракетой, выпущенной с земли или с истребителя. Поезд – пустить под откос. Служба Безопасности Земли не будет мучаться по поводу морали и размышлять о нравственности. Ее не интересует, этично ли погубить сотню-другую мирных граждан. Если вместе с этой сотней погибну также и я, то СБЗ это вполне устроит, а все следы заметут. Трагедию спишут на халатность машинистов или на несчастный случай, как это уже часто бывало. Я слишком опасен для социума.

Я ОПАСЕН ДЛЯ СОЦИУМА!

Я рожден быть опасным!

Ха!

Стало быть, нужно уходить на легком транспорте через полицейские кордоны на окраине города. В первом же ближайшем захолустье сменить машину и продолжить путь. Уничтожать меня на трассе не будут. Слишком тяжело следы замечать. С воздуха огнем не накрыть. Чересчур много окажется жертв, которые невозможно будет на кого-то списать. Да и уж очень велика вероятность утечки информации. Конечно, столкнуть мою тачку под какой-нибудь встречный грузовик – раз плюнуть, но мое чутье мне подсказывало, что они не успеют это сделать. Они не успеют среагировать на мой прорыв из города. А мое чутье меня ни разу не подвело. Оно просто не могло ошибиться.

Кстати, у меня еще не было тачки.

Рой пуль – по тархтению автоматов я вычислил, что стреляют из «Шмеля», – разнес окно. Меня должно было посечь стеклом, однако я ловко уворачивался от каждого осколка, отмечая про себя в который раз свою особенность, которой не было у моих преследователей. Я всегда оставался цел в схватке с агентами, что нельзя было сказать о них. Но я не только оставался жив, но и умудрялся выкрутиться без единой царапины.

Вскинув «Игл», я прокрался к двери и выглянул на улицу. Среди штабелей сгнивших досок и забытых коробов с давно испорченным грузом я обнаружил пятерых безмянных и безликих для меня агентов, словно все они были клонированы с одного человека. Один из агентов подкрался ко мне слишком близко. Он поливал свинцом комнату, в которой скрывался я. Он делал из моего бывшего логова сито для мытья золота.

Обойма закончилась. Агент выщелкнул ее из автомата. Потянулся за полной к поясу, но не успел ее отцепить от ремня. Я выпал из-за двери. Когда я опрокинулся на спину, мой «Игл» три раза дернулся в руках. Агент с разнесенной в мелкое крошево головой упокоился на бетонном полу дока.

Я был опасен для социума.

Я рожден быть опасным.

Того, что я узнал из подслушанного разговора в больнице, разговора, который беззаботно вели два врача в экранированной комнате, хватило мне, чтобы догадаться, куда исчезают мои товарищи по больничной палате, какой такой амнезией мы все страдаем и что ждет меня впереди. Этой информации хватило, чтобы перевернуть весь мой мир. И я решился на побег.

Я – идеальный солдат, созданный в генетической лаборатории компании «Либретик», которая вот уже три года выполняет контракт Правительства Земли. Я генетический мутант. Выродок. Но таким меня создали. Меня и двенадцать моих соседей по палате.

Мы были обычными людьми, которых ни о чем не спросили, когда их выбрали для программы «Идеал». Мы были людьми, которым стерли всю память и загрузили пустышку. Мы были людьми, чьи генетические спирали подверглись корректировке.

Я мало что понял из беседы врачей. Что не понял, я пополнил из своего личного дела, которое выкрал из канцелярии, попутно взломав дверь и устроив погром.

На генетическом уровне нам – тринадцати подопытным «крысам» – изменили лишь одно. Нам возвели в максимум инстинкт самосохранения, что позволяло сделать из нас идеальных солдат. Вы только представьте себе. Для умирения города, попытавшегося объявить о своей самостоятельности, засылают десятерых Идеалов, которые должны уничтожить тысячный контингент повстанцев. Десять солдат, чей инстинкт не позволяет им погибнуть, сотрут город в порошок вместе с жителями. Их инстинкт делает из них суперлюдей, которые будут способны увернуться от пули и покинуть район бомбардировки за секунду до поражения.

Я последний Идеал.

Правительство отменило заказ, переварив результаты работ лаборатории «Либретик».

Правительство Земли испугалось.

Я оказался опасен не только врагу, но и всему социуму. Тогда Правительство приказало свернуть весь проект, а опытные образцы уничтожить.

Я – последний.

Я – утечка информации.

Мне удалось скрыться.

Восемь месяцев ежедневно меня пытаются убить.

Я огрызаюсь.

В комнату через разбитое окно влетела граната. Я услышал ее полет и прыгнул с железной лестницы, которая вела в мое логово.

Гром взрыва и волна пламени. Меня осыпает осколками, но нет времени на сетования.

Я открываю стрельбу с двух рук. В правой дергается «Шмель», уничтожая врага. В левой щелкает «Игл». Патроны в «Игле» кончились, и я, отомкнув обойму, укрываюсь за ржавым погрузочным краном. Перезарядив пистолет, я выглядываю и обнаруживаю, что агентов в полку прибыло. Чуть ли не два взвода стянули в доки. Они были повсюду. За каждым ящиком. За каждой дощечкой. Лежали. Сидели. Стояли. Служба Безопасности Земли решила разобратся сегодня со мной и навеки закрыть эту тему.

Огонь, который одновременно открыли по мне все агенты, словно бы заранее договорившись ровно в девять вечера устроить мне свинцовую смерть, не сумел заглушить легкий свист, который заполнил пространство.

И тут меня осенило.

Я разгадал весь дьявольски хитрый и подлый план СБЗ и закричал зубами от навалившейся головной боли. Я признавал, что опоздал, и мой инстинкт самосохранения устроил мне адскую муку. Я ринулся сквозь свинцовый шквал к выходу, понимая, что опаздываю и уже ничего не могу сделать.

Служба Безопасности Земли ради моего уничтожения решила пожертвовать полестней своих людей, забросав всю территорию старого левобережного порта с воздуха бомбами, начиненными напалмом. Так надежнее.

Я понимал, что мне не уйти, но рвал мускулы, стараясь спастись.

Я был уже у последней черты. Мне оставалось два шага до спасения, когда бомбы соприкоснулись с целью, и доки с сумасшедшим грохотом вознеслись к небу столбом рыжего пламени.

Глава третья

*Мир все больше напоминает сумасшедший дом, которым
заправляют умалишенные.
Д. Ллойд Джордж*

Старые доки горели, как декорации к покинутому недоснятому фильму.

Я уцелел.

Я спасся.

Раны болели, грозя свести меня с ума, но я бежал. Я не мог позволить себе остановиться. Я не был уверен, что все агенты СБЗ погибли под бомбардировкой доков. Может, кто-то остался сторожить меня снаружи для подстраховки. И тут я, уцелевший под огнем напалмовых бомб, выбегаю прямо к ним в руки. Но такое никогда не случится. Я слишком осторожен для этого. Умею чувствовать опасность.

В двух кварталах от доков на платной стоянке на ситуацию «Экстра» мною было оставлено заливное топливом под завязку авто. Этим авто я думал воспользоваться только в определенных случаях, когда другого выхода не намечалось. Стало быть, время пришло.

Озираясь по сторонам, шагая по темным переулкам, я добрался до высотного дома, на первых этажах которого располагался паркинг. Осмотрев себя, я вынужден был признать, что появление в таком виде перед секьюрити стоянки было невозможно. Из порванного кармана плаща я извлек «Игл» и проверил содержимое обоймы. Два патрона – это все, чем я располагал на сегодняшний момент. Но если Бог будет ко мне благосклонен, то и убивать сегодня никого не придется. Убивать для меня сейчас – это значит распылить вокруг напоминание о себе, оставить следы.

Мысль поразила меня. Ведь СБЗ теперь будет считать меня мертвым. Из-под такой бомбардировки еще никто не выходил живой. Никто, кроме меня. Однако об этом Службе Безопасности ничего не известно. Стало быть, травмировать тамошних высоких начальников новыми трупами противопоказано. Хотя, с другой стороны, руководство СБЗ пожертвовало двумя или тремя взводами своих агентов, и им невыгодно признавать, что эта жертва была бессмысленной. Скорее, если все-таки мысль о моем здравии просочится в их закорюченные умы, они наймут вольных охотников, придумают красивую легенду для смертников и пустят всех их по моему пути.

Я криво усмехнулся и презрительно сплюнул. Плевков растворился в асфальте.

Для того чтобы добраться до моего микроавтобуса «Ниссан-Кренберрис», нужно было обмануть и отвлечь охрану. Это была задача. В таком виде, как у меня сейчас, можно разве что сниматься в фильме ужасов или служить наглядным пособием для учебных программ копов. Но в голове уже болталась полезная мыслишка. И она могла сработать, если ребятаки, нацепившие форму секьюрити, салажата сопливые. Впрочем, именно такие и стояли на посту, когда я оставлял тачку.

Выстрелить в себя для меня, человека с искусственно усиленным инстинктом самосохранения, так же трудно, как отречься от церкви христианину и познать истинное учение Христа. То есть практически невозможно. Но ведь находились люди, – их, правда, было немного, – которые добивались от церкви анафемы и признавали ее идолом, а сами верили в дом Господа – Землю, стало быть, и я смогу.

Кстати, а откуда у меня такие познания в богословии? До сего момента у меня эта информация не просыпалась. Надо будет обдумать на досуге. Если меня сейчас не заметут.

Я задышал, точно загнанный паровоз или отработавший пятнадцать раундов боксер, и накрыл ладонью дуло пистолета, откинувшись на холодную стену здания. Заставить себя

выстрелить – это значит переступить через психологическое табу. Я боролся с собой. Пожалуй, это было сложнее, чем отправить на тот свет дюжину агентов СБЗ.

На улицу, где я в темном углу сражался со своими проблемами, вывернул наземный колесный автомобиль. Этот городок; вошедший в историю тем, что здесь прикончили Идеала (меня, значит), почему-то не любил флаеры и иные воздушные автомобили, предпочитая им колесный транспорт. Здесь верхом совершенства считался металлический гроб на колесах представительского класса фирмы «Дженерал Моторс» – длинная колбаса, словно вагон поезда, приплюснутая сверху.

Дождавшись, пока авто скроется из виду, я решил повторить процедуру самокалечения. Час-то поздний – район полуночи – но, несмотря на это, я слабо верил, что у меня есть время на долгие раздумья.

Самое сложное – нажать на курок. Палец отказывался слушаться. Глаза стали дергаться. Мне впервые за всю жизнь стало страшно. Панический ужас лавиной накрыл меня с головой. Пот выступил повсеместно и горошинами стал скатываться на одежду. Я потянулся пальцем и дернул курок. Грохнул выстрел, и пуля пробила руку навывлет, впиваясь в стену и размазывая по бетону кровавую кляксу.

Выронив пистолет, – оружием разживусь позже, я заковылял к вращающимся стеклянным дверям, ведущим в приемный холл паркинга-люкс. Измазанной в крови рукой, я цеплялся за стены, оставляя кровавые ляпы. Вид мой был ужасен. Потный, весь в крови, дрожащее лицо, выпученные глаза. Именно таким меня увидели охранники.

Их было двое, и оба подходили под мою классификацию сопляков. Вырубить их – дело двух секунд. Жаль, что мне нельзя оставлять следы в виде трупов.

Они слышали выстрел, поэтому были готовы к встрече. Мне в лицо нацелились два дула, из которых дохнула смерть. Я с трудом удержал себя от того, чтобы поднырнуть под опасность и уничтожить ее. Вместо этого я распластался по мраморному полу, изображая потерянное сознание. А вдруг его можно отыскать на полу?

– Мистер!! Мистер!! – зазвучали надо мной тревожные голоса. – Мистер!! Мужик!! Ты как, жив?!

Кто-то дотронулся до моего простреленного плеча, сделав мне больно. Я подавил в себе желание развернуться и сломать охраннику руку.

Я застонал. Получалось у меня натурально.

– Мужик, да ты как? Чего ты?

Похоже, туполобая охрана малость растерялась.

– Я... – издало слабый дрожащий звук мое обожженное в доках горло. – Меня... там... убить пытались... мужики... он еще там... моя жена... помогите...

Кажется, ребятки купились.

– Васек, ты побудь с ним, – неуверенно попросил один из них.

– Да нет, мужики, я сам перекантуюсь. Со мной все в порядке. Не беспокойтесь. Бабу мою спасите. И... будьте осторожны... там двое... у них пистолет.

Охранники оставили меня лежать на белом мраморе. Подо мной мрамор стал красным.

Лишь только их черные фигуры скрылись за колоннами, поддерживающими расписной свод потолка, я вскочил с пола. Видели бы меня секьюрити-молокососы. Вот была бы умора. В два прыжка я достиг лифтового комплекса и долбанул по клавише вызова кабины, попутно приказывая организму остановить потерю крови. Организм послушался, и тут же раскрылись двери, приглашая меня войти. Похоже, мне опять повезло, кабина оказалась поблизости. Ворвавшись внутрь, я нажал на клавишу «минус» восьмого этажа. Дверцы плавно закрылись, и подле меня возникла голограмма. Женщина, облаченная в гостиничную форму, мило улыбнулась и произнесла:

– Услуга, которую вы запросили, платная. Один этаж – один кредит. Если вы согласны с условиями пользования лифтом, погрузите в щель картоприемника свою кредитную карточку. С вашего счета будет списана ровно та сумма, на какую вы намерены спуститься. Если вы передумали пользоваться нашими услугами, то нажмите клавишу «отмена».

Голограмма мигнула и исчезла.

А вот и облом. Ну, не могло же мне везти постоянно. Ни одной кредитной карточки в карманах.

Свое спасение из-под напалмовой волны я тоже не отношу к числу везения.

Надо было срочно что-то придумать, пока не вернулись охранники и не задумались над исчезновением раненого мужика, который так ловко плел им сказочки о нападении на его жену.

Пожалев об оставленном на улице пистолете, я ударил по клавише «отмена» и выскользнул из кабины. Возле лифтов обязательно должна была находиться лестница. Меня не грела перспектива спуска на своих двоих на восьмой этаж, но и другого выхода я не видел.

Добраться до «Ниссана» я должен был во что бы то ни стало, и вовсе не из-за того, что я не мог передвигаться по городу на своих двоих. Нет. Но мой «Ниссан» был не просто автомобилем. Он был мини-кораблем, в который был встроен портативный компьютер с возможностью подключения к любому терминалу. Я держал в нем несколько резервных кредитных карт, два пистолета, смену одежды.

Перелетая через ступеньки, я отмотал все восемь этажей и был уже на последнем пролете, когда взвыла сирена тревоги. Охрана знала, где я нахожусь. Камеры, висящие под потолком, давали прекрасную картину моего передвижения. Но вот послать кого-нибудь на этаж, куда я стремился, они вряд ли сумеют. А мне главное – достичь авто, а уж оттуда меня никому не удастся выковырять.

Слабы доходяги.

Я ворвался на восьмую платформу паркинга, как «Боинг» в здание Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорке. Двести лет назад это событие потрясло мир. Исламские террористы уничтожили два небоскреба в самый разгар рабочего дня вместе с людьми. Как странно, что до сих пор основной угрозой, – если не считать меня, мировому порядку, сложившемуся после объединения всей Земли под единое управление, являются исламисты. Вовсе не коммунисты, фашисты или Чужие, как казалось многим. А исламисты. Недаром именно эту религию объявили на планете Земля вне закона, позволив всем ее приверженцам переселиться на одну из колонизированных планет класса «земля», где они и строят Царство Аллаха. Но от единого течения ислама откололся мощный кусок, оставшийся на Земле и ушедший в подполье. Приверженцы радикального течения «первоземелья» поставили себе целью вернуть Землю для Аллаха и очистить ее от неверных.

Вы не удивляйтесь, что я развел пургу об исламистах. Это неспроста. Единственный, кто мог мне помочь с документами, – ведь я начал новую жизнь, был Мухаммед Абу Иль Али, исламский подпольщик, в официальных документах числящийся как сторонник армяно-григорианской церкви.

Моя дорога лежала к нему.

Добравшись до «Ниссана», я скользнул в салон. Машина при моем приближении произвела опознание и убедилась, что прибыл ее хозяин. Автомобиль оживал. Заработал квазиживой компьютер, прогоняя предстартовую программу тестов всех систем машины. Включился мотор. В руки мне нырнул руль управления. Над головой повисла оптимальная навигационная схема. На лобовом стекле проявилась сетка прицеливания, а из руля выступила кнопка со значком «огонь». Автоматическое оружие, встроенное в борта машины Мухаммедом Абу Иль Али, было готово к использованию, только вот применять его я не намеревался.

На восьмой платформе показались секьюрити. Восемь человек, одетых в одинаковую черную форму класса «камень». Они рассыпались по платформе. Стали красться между машин

в поисках проникшего чужака. Им было точно известно, что я еще здесь, поскольку камеры показали, как я исчез между рядами «Мерседесов», принадлежащих туристам из Германии. Они жили в гостинице «Москва» уже восемь дней.

Я приказал бортовому компьютеру «Ниссана» загерметизировать салон, и включить броню. По автомобилю пробежал сиреневый всполох, и система заработала. Теперь я был неуязвим.

Взревел двигатель, привлекая внимание охранников. Автомобиль вылетел из своего укрытия. Я направил его к въезду на спираль подъема. Осталось только подняться по ровной шоссейной дороге на восемь этажей вверх и оказаться в городе. Никто не сможет меня задержать.

Охранники бросились автомобилю наперерез. Защелкали выстрелы. Пули рикошетировали от корпуса «Ниссана», не оставляя на нем даже царапин. Я засмеялся. Все, что творилось вокруг моего автомобиля, и впрямь выглядело комично. Секьюрити не знали, что им предпринять. Они растерялись. Ситуация-то складывалась совсем нештатная. А чего я им, собственно говоря, сделал? Пришел за своим авто. Ну, разыграл маленький спектакль, но не поднимать же из-за этого такую бучу. Вот и опешили, ребята. Палили из всего оружия, стесняясь за необоснованное применение.

Я вырулил на спираль подъема и закружился в восхождении к свободе.

Глава четвертая

Неожиданное случается в жизни чаще, чем ожидаемое.

Плавт

Два часа я петлял по городу, избавляясь от возможного хвоста, да и просто развлекался, чувствуя себя живым. Рана на руке почти заросла. По крайней мере, меня она больше не беспокоила. На одной из тихих, узеньких улочек, где в три часа ночи гуляли лишь коты да грабители, я притормозил у тротуара и перебрался через сиденья в комнатку, оборудованную в микроавтобусе. Там я переоделся. Засунул в карман плаща кредитные карточки, бумажник, в котором было двести кредиток налом, и «Стрелу» – компактный пистолет, который не улавливался ни одним детектором.

Теперь можно было навестить Мухаммеда. Он проживал в районе Сохо, названного так в честь одного из элитных районов Лондона. Но в отличие от лондонского Сохо, Сохо, который находился в городе Айоло, земля Северная Америка, штат Висконсин, представлял из себя территорию трущоб, куда ни один полицейский не заглядывал, предоставляя жителям возможность самим решать свои проблемы.

Мухаммед Абу Иль Али был африканцем, но долгое время жил в России, поэтому и разрешил называть себя просто – Муха. Он встретил меня полуодетый и раздраженный, однако открыл двери гаража и позволил загнать мое авто внутрь.

Домик его плохо гармонировал, как и все строения Сохо, с другими зданиями города. Двухэтажная халупа, внешне выглядевшая разваливающейся, изнутри казалась настоящей крепостью, – чтобы взять ее обитателей живыми, нужно было сильно попотеть.

Я потушил все системы автомобиля, оставив их в ждущем режиме, и покинул его.

Мухаммед ждал меня в гостиной, позевывая. Мягкий голубой свет, льющийся с потолка, успокаивал. Аквариум в длину всей стены с внутренней подсветкой и диван, на котором сидел Мухаммед, – вот и все, что составляло убранство комнаты.

Я плюхнулся на диван рядом с Мухаммедом и облегченно закрыл глаза. Я знал, что он сейчас не посмеет поступить подлю по отношению ко мне. В любом случае я почувствую угрозу раньше, чем он успеет сделать первое движение.

– Ты чего? Охренел, что ли, четвертый час? – подал голос Мухаммед. – Или ты приперся, чтобы у меня на диване поваляться?

– Буду не против, если ты мне состряпаешь что-нибудь пожрать, – заявил я.

– Ну, ты вообще зарываешься, человек, – возмутился Мухаммед.

– За едой и поболтаем.

Мухаммед, заинтригованный моими словами, поплелся на кухню. Хлопнула дверца микроволновки. Через минуту раздался звоночек, и вослед ему голос Мухаммеда.

– Готово. Тащи свою задницу сюда.

Подняться с дивана для человека, который участвовал в спортивном состязании за свою жизнь, не давая телу отдыха, так же тяжело, как удержать себя вдалеке от литра воды после восьмидневного перехода через пустыню. Но я поднялся, и я пошел.

На пластиковой одноразовой тарелке лежал кусок дымящейся пиццы. Именно кусок, весьма непрезентабельного вида, однако я был слишком голоден, чтобы заниматься эстетством. Такая вот селяви. Проглотив эту подметку, по недоразумению называвшуюся пиццей, я запил еду стаканом водки, которая работала в моем организме иначе, чем у обычных людей. Алкоголь во мне перерабатывался в сто раз быстрее, чем у нормального человека, а в экстренной ситуации организм сам расправлялся с опьянением.

– Мне нужны документы, Мухаммед.

– Ты мои расценки знаешь. Если согласен, то сделаем. Без проблем.

– И без лишних вопросов.

– Какие могут быть вопросы? Без вопросов, само собой. На какое имя делать документы?

– А это стоит обдумать.

Я откинулся на спинку стула, который прогнулся подо мной наиболее комфортабельно, и сказал:

– Мне нужно свалить, да и образ жизни поменять кардинально. Что-нибудь предложить можешь?

– Дом! – позвал, повысив голос, Мухаммед.

– Слушаю, господин! – отозвался компьютерный мозг Дома.

– Найди все возможные на сегодняшний момент легенды, которые мы можем состряпать.

Приоритет – вне города.

Через минуту Дом отозвался:

– Найдено три варианта. Должности – вольный охотник за государственными преступниками...

Я ухмыльнулся.

– ... звездный торговец. Частный извоз. Контрабанда.

Я улыбнулся.

– ... капеллан при звезднодесантном полку «Крест и Молния».

Я нахмурился.

– Найдена еще одна должность. Журналист в Федерации Магелланового облака.

Я закашлялся.

– Спасибо, Дом!

Мухаммед пристально на меня уставился.

– Сам понимаешь, все эти должности, за определенную оплату, я могу тебе обеспечить.

Не будет лишних вопросов и лишних бумажек. Да и время трудоустройства – один день. Вместо двух недель, которые требуются по стандартной процедуре. Думай, человек.

– Сначала оформи мне документы.

– Тысяча кредиток за корочки.

– По рукам, – слишком быстро согласился я, но влиять и вести какие-то игры мне совсем не хотелось, да и времени не было.

Нужно срочно сматываться из города. СБЗ посчитает меня погибшим в доках, однако для верности прочешет город на предмет подозрительных личностей. Так что чем быстрее я смоюсь, тем быстрее смогу осмыслить свое нынешнее состояние. Ведь у меня есть цель, которую я намерен достичь, только вот сформулировать ее я пока не сумел.

Она зреет в душе.

Она живет во мне.

Когда-нибудь она проснется.

Я, как бомба с часовым механизмом, взорвусь обязательно, но ровно в то время, когда мне предназначено это судьбой или программой.

Я же говорил, что опасен для социума.

– На какое имя оформлять документы?

Я задумался.

Простая тема: выбрать для себя имя, поставила меня в тупик.

– Ну? – торопил Мухаммед.

Имя появилось само. Словно всплыло из глубин сознания. Что-то оно означало для меня, но вот что, я пока не знал.

– Ларс. Ларс Русс.

– Отлично! – Мухаммед поднялся из-за стола. – Отдыхай. Можешь использовать мой диванчик. К утру все документы будут готовы. Подданство какое делать?

– Земли, – сказал я, помялся и добавил: – Можешь сделать дубликат, но с подданством Амбера.

– Это займет несколько больше времени. Но постараюсь. Все документы будут официально зарегистрированы на Земле и на Амбере. Это будет не фальшивка, а настоящий документ. Согласен?

– Ты бы лучше поторопился, – устало выдавил я.

Мухаммед удалился.

Я поднялся и проковылял в гостиную, где рухнул на диван, размышляя над двумя вопросами: что меня связывает с именем Ларс Русс, и зачем мне потребовались еще документы с амберским гражданством.

Что я знал о планете Амбер?

В эпоху колонизации звездных систем, когда люди стали делать первые робкие попытки в далеком космосе, открытые планеты назывались в честь миров, придуманных писателями-фантастами. Так появилась планета Амбер. Так на карте звездного неба зажглись имена Трантор, Средиземье, Фаргал, Киммерия, Мршан, Внутриземье, Хьервард и многие другие.

Винегрет из выдуманных разными писателями миров, которые обрели свое воплощение на далеких планетах, заселенных человечеством.

Что же могло связывать меня с Амбером?

С этими мыслями я выключился.

Когда я разомкнул глаза, документы лежали на столике прямо перед моим носом. Свежая пахнущая пластиком карточка с золотыми буквами имени и фамилии и генокодом, вложенным в микрочип памяти. Из-под первой карточки высовывалась вторая, точная копия первой, за исключением измененного подданства.

Я поднялся с дивана, поправляя на себе смявшуюся одежду, и подхватил со столика удостоверение личности.

Из кухни показалась лохматая голова Мухаммеда.

– Ты уже проснулся?

Я не удостоил его ответом и принялся изучать свою новую биографию. Никогда еще у меня не было имени. И вот оно появилось. Мое первое и единственное имя, которым меня нарекли не родители, а исламист, специалист по фальсификации документов.

Хорошее начало.

Я испытывал странные чувства, незнакомые мне. С пластиковой карточки на меня взирало мое собственное лицо, под которым бежала тоненькая строчка – ЛАРС РУСС.

– Завтракать будешь?

– Только кофе. Двойной. Большую кружку.

– Ага.

Мухаммед исчез на кухне. Клацнули кружки. Зашипел кипятилок, выплескивающийся в кружку.

– Ты уже выбрал себе должность?

– Нет. Пока. Если не сложно... – Я спрятал документы во внутренний карман плаща, – скинь мне все кандидатуры на диск. Я оплачу их все.

– Странный выбор, – изумился Мухаммед, выходя из кухни.

За ним семенил робот-официант, железный паук с ровной поверхностью подноса на спине, где стояли две дымящиеся кружки с кофе, сахарница и два круасана.

– Я запаслив, – коротко признался я, беря с подноса круасан.

– А все-таки? – настаивал Мухаммед.

– Я хочу быть готов к тому, чтобы в экстренном темпе сменить работу.

– Ладно. В принципе это твои проблемы, – равнодушно пожал плечами Мухаммед. – Ты запомни, брат, я никогда бы не стал тебе помогать, если бы ты не был таким опасным для этого государства.

Я усмехнулся.

Ничего иного нельзя было ожидать от исламского подпольщика.

– Все, что плохо для этого государства, отлично для меня.

Мухаммед зловеще ухмыльнулся:

– Жаль, что ты, Ларс Русс, не разделяешь мои убеждения и не хочешь принять ислам. Это было бы полезно для тебя и для нас, брат. Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммеда, пророка его. Такой человек, как ты, был бы очень полезен исламу.

– Муха, все эти должности как-нибудь связаны с твоими единоверцами? – поинтересовался я.

Очень уж мне не нравились эти проповедования.

– Нет. Правоверных там нет.

– Отлично.

– Ларс Русс, ты подумай...

Так непривычно было слышать свое имя, а с другой стороны, оно было для меня родным. Я чувствовал это.

– ...такой Идеал, идеальный воин, как ты, и наша организация, имеющая своих агентов повсюду, мы можем горы свернуть...

Я его больше не слушал.

Я хищно смотрел на него. Он знал, кто я такой. Но откуда? Откуда он мог знать?

Я знаком с Мухой уже тринадцать дней. Его мне порекомендовал Магди Дейф из Лос-Анджелеса. Он тоже был правоверным. Стало быть, я с самого начала своего бегства был под колпаком у «первоземельцев».

Твою мать!!!

Мухаммед еще что-то лопотал, когда я сделал легкий выпад в его сторону и лишь кончиком пальцев коснулся его шеи, ломая позвоночник.

Мне не нужны были лишние свидетели.

С ледяным спокойствием я допил кофе и съел круасаны.

– Дом!!! – позвал я.

– Слушаю, – отозвался компьютер. Он не называл меня господином, как это делал, когда общался с Мухаммедом.

– Дом, у тебя сохранились легенды, которые ты предлагал...

– Да, – сухо, с металлом в голосе, ответили мне.

– Скинь их мне на диск! – потребовал я.

– А что делает Мухаммед, господин мой? – поинтересовался Дом.

– Он отдыхает, – нагло заявил я.

Я знал, что Дом просматривает каждую клетку своего пространства, и от него вряд ли укрылось мое движение к Мухаммеду, мой рывок, но расценить его и вынести ему вердикт Дом вряд ли мог.

– Диск готов, – наконец отозвался Дом.

Из тела робота-официанта выполз маленький блестящий диск с интересующей меня информацией. Я забрал его и припрятал в одежде.

Я покинул свое убежище. Здесь мне больше ничего не было нужно. Я не хотел убивать Мухаммеда и оставил бы его в живых, если бы ему не было известно, кто я. Но, как говорится, такова селяви.

Конечно, там, где знал один, наверняка знает еще кто-то. Иллюзий я не испытывал. И самообманом заниматься не собирался. Но Мухаммед умер, а все считают меня покойником, так что на время для исламистов мой след потерян. Осталось сделать малое. Прибрать за собой.

Уходя из приземистого двухэтажного здания, я оставил подле Мухаммеда, на окаменевшем лице которого замерло удивление, пластиковую капсулу взрывчатки из арсенала, найденного мною, когда я осматривал помещения. Такую же капсулу я поместил в холле на первом этаже. Одну приклеил на входную дверь. И еще одну в гараже. Для надежности.

На «Ниссане» я удалился на два квартала от дома Мухаммеда, остановился, прижавшись к обочине, и задумался. У меня было несколько вопросов к жизни. И их стоило решить. Они ворочались в моей голове.

Что означало для меня имя Ларс Русс и планета Амбер? Стоило это выяснить. Но как? Одно я решил окончательно: с государством и исламистами у меня отныне личные счета.

Я печально оглянулся на дом Мухаммеда, и отдал приказ своему компьютеру связаться с разумом Дома, что он и выполнил. Я отдал приказ Дому активировать капсулы, и он подчинился. Он не мог ослушаться, хотя понимал, чем ему это грозит.

Взрыв был настолько сильным, что взрывной волной мой «Ниссан» вытолкнуло на двести метров вперед.

Я ухмыльнулся, погрузил диск, полученный от Дома, в компьютер авто и считал информацию, набежавшую на лобовое стекло. Из четырех кандидатур нужно было выбрать одну.

И я выбрал.

Глава пятая

Одиноким человек всегда находится в дурном обществе.

П. Валери

У меня накопились вопросы. Я не был уверен в том, что я существовал до того, как очнулся в больнице. Из того, что говорили врачи в том разговоре, который мне удалось подслушать, можно было сделать вывод, что мое тело было создано с уже измененным генным кодом. Хотя со счетов нельзя было сбрасывать и ту возможность, что когда-то я существовал и в неизменном виде, пока не стал объектом генных исследований. Добровольно я на это согласился, или меня к этому принудили? Вот в чем вопрос.

Одно я знал точно: ответов, или хотя бы предположений, у меня не было. Оставалось ждать, когда ответы явятся мне или я сумею докопаться до сути всего того, что случилось со мной. А пока... Что мне оставалось делать? Не сидеть же, подперев кулаками щеки. Нужна была цель на ближайшее время. Какое-то занятие. Что-то, на чем можно было заикнуть свое внимание, да и затеряться от посторонних глаз. Может, тут и отыщется ответ, в рутине будней.

Мухаммед предложил мне четыре должности, на которые без лишних вопросов меня готовы были принять. А в моей ситуации вопросы могут иметь катастрофические последствия. Не для меня, а для того, кто спрашивает. Из того, что мне предложил Мухаммед, я выбрал вольного охотника и, не откладывая дело в долгий ящик, заявился на первый же пункт вербовки, который лежал за пределами городка, где меня официально убили. Надо же такое пережить. Тебя убили, а ты еще живой. Бывает.

Город Новый Южный Рассвет представлял собой глубокую провинциальную дыру, в которой все живут точно так же, как и сто лет назад, даже не подозревая о том, что человечество давно шагнуло в космос. Сообщения же об этом по телевизору жители подобного городишки воспринимают как очередную телевизионную утку, выпущенную Правительством для подъема налогов, идущих на поддержание космических программ.

На пункте вербовки меня дождался смуглый субъект с проколотыми в восьми местах ушами и мутным взглядом наркомана. На мое появление этот смутный субъект никак не отреагировал. Он был подключен к виртуальной игре, и его мало интересовали посетители. Судя по плевкам на пол, посетителей было много, да вот только ушли они разочарованными. Меня такой расклад не устраивал. Да и сопливый юнец, воображавший в виртуалке себя покорителем драконов, мощным мужиком с мечом и бревнами рук, меня откровенно раздражал.

Я сел в кресло напротив стола, за которым, закрыв глаза и подергивая конечностями, наслаждался игрой смугляк. Подождав пару минут, только лишь ради приличия, я перегнулся через стол, сграбастал его, оборвав провода подключения, и влепил чувствительную пощечину. Смугляк полетел из кресла на пол, но тут же подскочил, словно ему в задницу всадили ампулу перца. Увидев своего обидчика, то есть меня, смугляк успокоился и, стараясь изображать солидность (давалась она ему из последних сил), плюхнулся в кресло. Наведя на лицо манекенную улыбку, он сообщил.

– Я к вашим услугам.

Сказано это было так, чтобы я сразу уяснил, насколько ему приятно созерцать мою физиономию.

Я наклонился к нему поближе, с удовольствием отмечая в его глазах страх. Смугляк не успел скрыть инстинктивное движение и дернулся, словно получил дозу тока.

Я ухмыльнулся, вселяя еще больший ужас в его душонку, и сказал:

– Слушай внимательно, кусок дерьма, мне с тобой базарить некогда. Какие заказы?

Вербовщик судорожно сглотнул и отклонился к экрану компьютера. Его пальцы забегали по виртуальной клавиатуре – мерцающим в воздухе голографическим клавишам. Через три минуты он сообщил результат.

– Близких заказов нет.

– А я и дальним не побрезгую, – процедил я зловеще сквозь зубы.

– Тогда есть кое-что. Штат Калифорния. Возле Лос-Анджелеса. Точные координаты вы можете получить в лос-анджелесском вербовочном пункте. Цель – виртуальный магнат. Владелец компании «Голливуд Виртуал Импайринг» – Себастьян Гоевин, такая старая толстопузая крыса, у которой много бабок и мало совести...

– Засунь свои комментарии себе в зад, – оборвал я мозгляка.

– Итак, Правительство Земли разместило заказ на его голову двое суток назад. Восемь человек уже отправились на охоту. Сумма контракта – сто двадцать тысяч кредиток, плюс профсоюзные выплаты. При заключении контракта задаток – пять тысяч.

– В чем этот Себастьян Гоевин провинился?

Смугляк замолк, увлеченно перебирая клавиши, и спустя минуту выдал ответ.

– Точной информации нет. Есть лишь два пункта, по которым Себастьян Гоевин был объявлен вне закона. Пункт первый, ему поставлена в вину монополизация сферы виртуальных технологий. Пункт второй: педофилизм, ну, это когда с детьми развлекаются.

– Я согласен, – прервал я дальнейшие объяснения.

– Тебя конкуренты не смущают? – с искренним интересом осведомился вербовщик. – Все-таки их восемь.

– Нисколько. – Я зловеще улыбнулся. – Пушечное мясо.

– По последним данным Себастьян Гоевин скрывается на собственной вилле в трех километрах от Лос-Анджелеса. Им выкуплена территория земли в восемь гектаров. И устроена целая крепость. Непрístupная крепость. Остальное уже твои проблемы. Давай свое удостоверение.

Я протянул ему именной пластиковый квадратик, который он загрузил в приемное устройство. На экране всплыл текст моего досье.

– Ларс Русс, значит. Что-то слышал. Что-то слышал... – задумчиво забормотал мозгляк.

Я напрягся. Что он мог слышать обо мне? Неужели прокол в легенде... Откуда? Мухамед вряд ли бы допустил его. Самое сложное – это не получить новые документы, а обзавестись необходимой биографией, которая бы ни у кого не вызвала сомнений в достоверности. Перед тем как заявиться в пункт вербовки, я пролистал то, что для меня сочинил Муха, и пробил по всем ведомствам для достоверности; невооруженным глазом я не обнаружил проколов. Все вроде бы логично. Детство провел в интернате для детей-подкидышей. Кто мои родители неизвестно. В школе особых талантов не проявлял. Жесткий характер отмечали еще мои педагоги. Сразу же после завершения школы я поступил на курсы вольного охотника и через полгода получил лицензию на проведение государственной охоты. И вот уже десять лет я зарабатываю себе на жизнь госзаказами. Вообще-то ничего необычного. Зацепиться не за что.

Мозгляк щелкнул клавишей, и из принтера выполз лист контракта. Он протянул его мне. Я пробежал глазами мелкий убористый текст и поставил свою подпись. Вербовщик протянул руку, в которую я вложил кредитку, и скинул мне положенный аванс. После чего кредитка вернулась ко мне.

– Здесь вся необходимая информация о Себастьяне Гоевине, – сказал мозгляк, протягивая мне диск.

Диск я засунул в карман плаща и послал последнюю зловещую ухмылку смугляку. Чтобы помнил. Хотя в том, что он будет помнить меня до последнего вздоха, я не сомневался. Такого охотника он еще вряд ли встречал. По обыкновению, охотники люди застенчивые, когда обща-

ются с государственными служащими. Они только после подписания контракта приходят в рабочую форму. Я оказался исключением.

– Удачи тебе, Ларс Русс! – пожелал смугляк мне в спину.

Я покинул вербовочный пункт, внешне напоминавший осиный улей. Архитектор, проектировавший эти здания, при жизни слыл большим юмористом.

В машине я пролистал всю информацию по Себастьяну Гоевину и, запомнив все необходимое, отчалил от вербовочного улья.

На окраине городка я остановился у придорожного кафе с заманчивым названием «Для гурмана» и с удовольствием пообедал, не обращая внимания на то, что пища не натуральная, а синтезированная, да и разнообразием не страдала, что мало сочеталось с обещанием «для гурмана». Но меня эти мелочи мало интересовали.

Насытившись, я расплатился с кибер-официантом налом.

Забравшись в автомобиль, я включил музыку. По радио передавали что-то невообразимое, и я переключился на музыкальный сервер, который загрузил мне за одну кредитку выбранный мной альбом группы «Q-Z, Z-Q». Эту группу я полюбил, когда еще странствовал, спасаясь от агентов СБЗ. Мне были по вкусу их экспрессивность и жесткость.

Под раскаты электрогитар я вырулил на скоростную трассу, начинавшуюся в ста метрах от города, и включил режим полета. «Ниссан» поднялся в воздух. Включился автопилот, с вложенным курсом, и я прикрыл глаза, расслабился. Можно было перебраться в комнату, которая находилась позади кабины водителя, но мне было лень. Впереди меня ждали два часа спокойного полета, и я решил затратить это время на отдых.

Глава шестая

Люди вместе могут совершить то, чего не в силах сделать в одиночку, единение умов и рук, сосредоточение их сил может стать почти всемогущим.

Д. Уэбстер

Я впервые видел танцующее облако. Я много слышал об этом удивительном явлении, которое часто наблюдалось в последние годы, но никогда не видел его. Теперь мне посчастливилось. Но явление оказалось так себе. Можно сказать, заурядненькое. В принципе, ничего интересного.

Представьте себе двухметровый воздушный водопад с искрящимися сиреневыми, лиловыми и желтыми струями. Он начинается из пустоты и низвергается в землю. Водопад возникает стихийно по всей планете с определенной периодичностью, но никому еще не удавалось вычислить закономерность возникновения. Поговаривали, что тот, кто увидит танцующее облако, обретет счастье на всю жизнь. Но в подобное мне верилось с трудом.

Я сплюнул и вернулся в свой номер. Впереди еще много работы, и вряд ли у меня сыщется время для любования природными явлениями.

Прибыв в Лос-Анджелес, я первым делом заехал в центральный вербовочный пункт и разжился подробностями биографии Себастьяна Гоевина. Также я затребовал досье на восемь охотников, которые вышли на след раньше меня. По закону я имел право. И получил досье.

Номер я снял в маленькой гостинице на побережье. Из окон открывался вид на океан, и пахло соленой свежестью.

Подключившись к предоставленному мне компьютеру, я запросил выход на городскую поисковую службу и поочередно вбросил в строку поиска восемь имен конкурентов. Минуту машина проводила сравнение и вывела ответы. Их обнаружилось всего семь. Стало быть, одного человека машина не сумела найти. Это наводило на размышления. Но стоило разобраться с имевшимися семью охотниками. Об уцелевших можно было подумать и потом. Другого выхода все равно не было.

Я отключился от компьютера. Оживил видеопанель, которая транслировала баскетбольный матч между командами «Нью-Детройт-Марсрейнджеры» и «Виннипегские Буйволы». Я вызвал робота-официанта и набрал в оконце меню-заказ: бутылку виски «Синий лед», черепаший суп и большой кусок бифштекса.

Я разложил на кровати восемь распечаток досье с фотографиями охотников. Поверху я наложил полученные адреса от городского компьютера. По раскладам выходило, что ближайший ко мне охотник обосновался двумя этажами выше. Он остановился в одном отеле со мной. Что за удача! Я усмехнулся. Извлек из кармана «Стрелу» – маленький компактный пистолет, введший в заблуждение детекторы гостиницы.

В номер вкатился робот с подносом, на котором высился мой заказ. Выставив все привезенное на столик, робот растворился в стене, где был вмонтирован люк для обслуживающих механизмов.

Я переоделся в легкий серый костюм. Обулся в ботинки на бесшумной подошве, с двумя кинжалами, которые высовывались из подметок, стоило сжать пальцы ног особым образом. Припрятал пистолет за пояс. Взял в руки бутылку виски и вышел из номера.

Я намеревался навестить конкурента.

Дружеский, так сказать, визит.

Конкурента звали Марк Крысобой. Ему два месяца назад исполнилось восемьдесят четыре года, так что в некотором смысле он был ветераном вольных охотников. Судя по фото-

графии, Крысобою этот – мужик крепкий и уже давно спорит с возрастом. То, что он держит себя в форме и не дает себе никаких поблажек, было фактом, который следовало как-то обыграть, чтобы справиться с этой машиной мускулов и выжить.

Послужной список Марка впечатлял. На его счету было устранение президента США – Джошуа Кеннеди. Сверхсложнейшая задача, с которой он разобрался играючи, будто рубился в виртуальном мире. Море людей от президента до банкиров и проворовавшихся клерков, ударившихся в бег. Море людей, которых он отправил на тот свет. Теперь ему предстоял черед навестить свои жертвы. Им есть что ему поведать.

Я остановился возле номера Марка. Номер был в два, а то и в три раза дороже, чем мой. Стало быть, у него есть чем поживиться. Это радовало.

Я постучался, хотя знал, что о моем появлении Крысобою уже давно известно. Детекторы движения, расставленные по всему отелю, предупреждали постояльцев о непрошенных гостях.

Дверь бесшумно отворилась, явив пустой холл.

Я воспринял открывшуюся дверь как приглашение и вошел.

Дверь захлопнулась, а в спину мне уперлось дуло, судя по диаметру «Шприц – NZ».

– Кто таков? С чем припожаловал? – услышал я сухой вороний голос.

– Меня зовут Русс. Ларс Русс, – представился я.

Если бы я хотел, то мог бы одним движением избавиться от пистолета, бузившего мне спину, но я решил немного поиграть. Хотя играть с противником такого класса, как Марк Крысобою, это то же самое, что забивать кулаком гвоздь. Теоретически это возможно, если принимать в расчет мою подготовку, но вот как все срастется в реальности... Тут мои предположения расплывались в абстракцию.

– Я вольный охотник.

– Это ты что, виртуальщика мочить приклеился? Предупреждаю, мясо, виртуальщик мой со всеми потрохами, – прокаркал Марк мне в ухо.

Неприятное ощущение.

– Этот вопрос я и хотел обсудить за рюмочкой виски. Я приподнял бутылку и потряс ею в воздухе.

– А чего тут обсуждать, петушидзе. Мочить тебя и не обсуж...

Договорить он не успел. Мое движение было молниеносным. Я крутанулся, и все поменялось. В моей руке, нацеленной на Марка Крысобою, мерцал «Шприц – NZ», вырванный у него.

Марк стоял передо мной в одних трусах и ухмылялся.

– Ну, отлично, теперь и поговорить можно, – сразу оценил он ситуацию.

Его отточенное, вылепленное с тщательностью скульптора-гения тело было достойно восхищения. Такое и портить дырками жалко.

Марк повернулся ко мне спиной и прошел в глубь номера. Он рухнул в кресло и забросил ногу на ногу, с любопытством поглядывая на меня.

Я огляделся по сторонам, не выпуская из виду клиента, и восхищенно цокнул языком. Номер был великолепен. Хрустальная с золотом люстра, лепные потолки, мебель красного дерева, громадная кровать, на которой можно было заблудиться и на которой стоило оставлять маячки, наподобие геологических, чтобы отметить место, где ты на нее забрался.

– Что, нравится? – усмехнулся Крысобою. – Тяга к роскоши – моя единственная слабость.

– Шикарно, – согласился я и присел на краешек кровати.

– Ты, значит, кокнуть меня пришел. Думал, по-легкому получится? – заговорил Крысобою. – Ты не думай, по-легкому – ну никак.

– Для начала я поговорить пришел, а уж потом, как поплывет.

– И чего ты хочешь? Кстати... – Марк нахмурился: – как тебя зовут?.. Говоришь, Ларс Русс? Что-то знакомое. Ну, хоть убей, не помню. Последнюю фразу не воспринимай как команду к действию.

Крысбой расхохотался.

Он был вторым, кому показалось знакомым мое имя. Любопытно, к чему бы это.

– Что ты узнал о Себастьяне Гоевине? – спросил я.

– Ну, браток, ты мажешь впечатление серьезного мужика, а вопросы – наивняк детский.

Так я тебе сейчас все за спасибо живешь и выложу, а ты меня еще и щелкнешь. Улыбнитесь, внимание, вас снимают!..

Он рванулся ко мне. Быстро. Очень быстро. Но недостаточно.

Я успел опередить его. Подпрыгнул и, как теннисный мячик, отбил тело, несущееся на меня, назад в кресло.

– Это было лишним.

Марк смахнул с лица кровь и вымученно улыбнулся.

– Ты мне нравишься, Русс, – прохрипел он, расслабляясь в кресле.

В ближайшие минуты можно было не ждать новых попыток нападения.

Я положил подле себя «Шприц» и откупорил бутылку. Жадно втянул ноздрями аромат виски, сделал глоток и протянул бутылку Марку. Он не стал отказываться и за один присест выхлебал треть содержимого. Утерев губы пальцами, он рассмеялся и вернул бутылку.

– Ты мне нравишься, Русс, – повторил он. – Что ты хочешь узнать?

– Что тебе известно о других вольных охотниках?

– О каких других? – искренне удивился Марк.

– О тех семи, которые выехали раньше тебя за Гоевином.

– Практически ничего. Ничего, что бы не содержалось в общем банке данных. Но то, что их семь, я не знал. Я думал, их шесть.

– Значит, после тебя в Лос-Анджелес прибыл еще один, – подытожил я. – К тебе кто-нибудь еще заявлялся, кроме меня?

– Нет. Я приехал только вчера, а сегодня вечером намеревался отправиться к виртуальщику в гости, – разминая кисти рук, сообщил Марк Крысбой.

– И ты не думал заглянуть на огонек к остальным охотникам? – удивился я.

– Зачем? – спросил Марк. – Зачем? Они не знают обо мне. Я знаю о них. Чем больше людей пойдут брать приступом цитадель магната, тем больше у меня шансов проникнуть незамеченным.

– Гоевин на месте?

– Похоже, да, По крайней мере, я не слышал ничего, что бы свидетельствовало об обратном. – Марк умолк, ехидно посмотрел на меня и предложил: – Давай работать вместе. У тебя свой стиль. У меня свой. Один из нас выиграет и получит голову Гоевина. Другой, по всей видимости, погибнет. Все-таки это практически невыполнимое задание. Как тебе мой закидончик?

У меня не было оснований доверять Марку. Но иметь такого союзника при штурме гоевинской виллы, это заполучить лишний козырь в рукав. Тем более семь конкурентов, как семь джокеров, неизвестно, что от них можно ожидать. При таком раскладе Крысбой не станет рыпаться вплоть до самого последнего момента, а там нужно быть быстрее, и тогда победа останется за мной.

– Пожалуй, я соглашусь.

Я перекинул ему «Шприц» и отхлебнул виски.

– Только вот к остальным охотникам все-таки стоит заглянуть, – заявил я.

Крысбой отложил «Шприц» на зеркальный столик.

– Их уже нет в городе. Они вышли на охоту.

– Все шесть? – уточнил я.

– Нет. Не шесть, – покачал головой Крысбой. – Пять. Шестой глушит водку в портовом кабаке. Он уже две недели как в городе и все это время пьет, как боцман.

– Оригинально!

Я удивился. Такое встречалось редко, чтобы охотник пропивал весь задаток, так и не предприняв ничего, чтобы заработать весь гонорар.

– Его брать в расчет не стоит. Он уже давно мертвая карта. Я только удивляюсь, как с ним контракт подписали. Он уже три раза кинул госзаказы, – сообщил Марк.

– Ты осмотрелся на месте?

– Успел. Сегодня утром все излазил. Замечательная, скажу тебе, дыра.

– Где в городе можно вооружиться?

– Есть подходящий магазинчик. Удовлетворительный выбор, – сказал Марк. – Мне тоже стоит съездить. Так что давай смотаемся вместе.

– Почему бы нет. Только я сначала поем, и через полчаса встретимся на паркинге, возле пятого бокса.

Глава седьмая

*Наиважнейшая из наших способностей — это умение
приспосабливаться к самым различным обычаям.
Монтень*

Я четко понимал, почему Марк Крысобой вызвался сопровождать меня в магазинчик оружия. Он хотел удостовериться в том, что я не прикуплю для него сюрприз. Но я, наоборот, считал, что мне удастся это сделать, даже находясь под постоянным наблюдением.

Магазинчик, торговавший оружием, находился в самом фешенебельном районе Лос-Анджелеса Даунтауне. Когда-то эта часть города была заполонена небоскребами, которые верхушками царапали небо. Ныне от бывшего высокомерия осталось лишь одно здание, похожее на неимоверно толстый карандаш. Оно стояло в центре Даунтауна, зажатое с двух сторон парками — национальным парком Дня Независимости и парком имени Христофора Колумба. Когда-то в этом здании располагался бизнес-центр. Множество компаний имело здесь свои представительства. Ныне здесь находился самый большой на Земле музей Истории Континентов.

Здание музея было видно в любой части города. Оно возвышалось над Лос-Анджелесом, как артефакт прошлого. Среди пятиэтажных круговых зданий с зелеными дворами внутри и линейных районов, где максимальная высота дома достигала восьми этажей, музей Истории Континентов выглядел неестественно, но жители Лос-Анджелеса привыкли к его указующему персту.

Я припарковал свой «Ниссан» возле магазина и задал программу обороны на случай, если кому-то взбредет в голову попытаться угнать мое авто. Марк усмехнулся, вылезая из автомобиля.

Магазин размещался на первом этаже трехэтажного дома, стены которого были выложены из черного кирпича. Стекла витрин были покрыты слоем пыли, словно краской, из-за которой внутренности магазина оказались погружены в шелковый сумрак; над входом красовались белые, вырезанные из блестящей бумаги буквы: «ВСЕ ДЛЯ СМЕРТИ».

Я толкнул дверцу магазина и погрузился в сумрак, как в виртуалку. В затылок мне дышал Крысобой.

Воздух в помещении был наполнен пылью. В носу засвербило, и я чихнул. С пылью я не сталкивался уже давно. Все современные магазины и офисы имели в оборудовании пылепоглотитель.

Просторное помещение, открывшееся за дверью, было заставлено гробами. Странное убранство для оружейного магазинчика. Это что, к пистолету гроб в нагрузку, чтобы потом искать не пришлось? Если будет кому искать.

— Оружейный дальше, — шепнул мне на ухо Марк.

Я лавировал между гробами, как танцовщица по сцене, изобиловавшей дырками в полу, и выбрался к стальной двери, которая была закрыта. Возле ручки на стене висело приемное устройство.

— Суй сюды свою мордокарточку, — порекомендовал Крысобой.

Я воспользовался его рекомендацией, и замок, считав необходимую информацию, щелкнул; дверь медленно распахнулась. Оружие продавалось только охотникам. Больше никто не мог им владеть.

— Когда-то в Лос-Анджелесе можно было вполне легально пушку купить, — сообщил Крысобой, проходя за мной в комнату, которая оказалась за сейфовой дверью.

Стеллажи с оружием на любой вкус и кошелек. Море оружия и маленький вертлявый торговец, подобранный ко мне из-за спины настолько бесшумно, что я и не заметил. Упущение.

– Вам чем-нибудь помочь? – осведомился юркий торговец.

Крысобою, оказавшийся справа от меня, ответил:

– Можете.

Он рассматривал новую модель силового ружья «Страйзер». Это ружье не убивало объект, а создавало силовую волну, которой объект отбрасывался на несколько метров с переломанной грудной клеткой.

– Мне... – Крысобою посмотрел на меня, смерил взглядом, словно намеревался шить мне костюм, – два автомата класса «Шмель». Базуку «Шторм» на пять ракет. Штук восемь гранат с осколочным разбросом в тысячу метров и пистолет «Кактус». К пистолету и автоматам два десятка обойм.

– Я надеюсь, вы охотник? – задал риторический вопрос торговец.

– А как бы мы сюда проникли?.. – отрезал Крысобою.

– Мне... – я вернул Крысобою оценивающий взгляд, – «Страйзер». Автомат ручного класса «Шершень». Два пистолета «Шип» и... – я затянул паузу, размышляя о своих возможностях, – защитный блокиратор ручного действия «Змей». Все, пожалуй.

Торговец угодливо поклонился.

– Ваши карточки, – потребовал он. – И кредитки.

Наш заказ был готов через пять минут, которые мы затратили на осматривание стеллажей с новинками.

Судя по тому, как отреагировал Крысобою на мой выбор, он ни о чем не догадывался. Стало быть, мне все-таки удалось обхитрить его и занять еще один козырь в рукав. Какой я богатый, мать моя пробирка. Среди выбранного мной оружия присутствовал «защитный блокиратор ручного действия „Змей“». На сленге СБЗ это означало плазменную пушку, которая прикреплялась к руке в районе запястья. Замаскированная под часы, она была огненным жалом, втягивающимся после нанесения удара обратно. Но Крысобою этот вид вооружения был незнаком. В принципе, оно и логично. Охотникам о существовании пушки вообще не должно было быть известно.

Торговец медленно выплыл из темноты. За ним катился робот-носильщик, загруженный нашим заказом.

Торговец вернул нам кредитки и удостоверения. Он бросил короткий настороженный взгляд на Крысобою, который не ускользнул от меня.

– Робот отвезет ваш заказ к автомобилю.

Торговец поклонился и исчез, словно провалился сквозь пол.

В гостинице царил оживление. По холлу прогуливались люди в немыслимых одеждах. Разляпистые пышные одеяния, которые развевались, точно шлейфы, красных и голубых цветов, шитые золотом. На головах возвышались разноцветные сооружения полуметровой вышины, крученые из множества полотенец с позолоченной бахромой. У поясов странных людей болтались в ножнах декоративные шпаги.

Я слышал, что при некоторых царских дворах, которые остались где-то в Центральной Африке, а также обильным мхом поросли на колониальных планетах, шпага являлась обязательным элементом костюма придворных. Нарушение же придворного церемониального этикета могло повлечь за собой смертную казнь провинившегося.

– Похоже, к нам какой-то царек припожаловал, – подтвердил мое предположение Марк Крысобою.

Оружие мы оставили в автомобиле, которому было суждено провести ночь на паркинге отеля. Хороша же была бы картина, если бы мы проперлись через гостиничный холл, увешанные оружием под самую завязку. Никто бы не посмотрел на то, что мы имеем право на ношение, вызвали бы копов, как пить дать, а потом сутки разбирательств. Бюрократия цветет и пахнет. С моими купленными документами лучше не нарываться. Марк Крысобою со мной беззвучно согласился.

Мы миновали холл и поднялись к лифтовому порту, где ожидали свободной кабины двое тюрбаноголовых. Они оживленно спорили, размахивая руками, но ни одного звука не просочилось сквозь их плотно сжатые зубы.

– Похоже, к нам прибыл кто-то из раджамапурцев, – поделился догадкой Марк.

Раджамапур – одна из земных колоний, где расселились выходцы из Индии и Китая. На планете сохранялась царская форма правления, ограниченная марионеточным парламентом. Но что потребовалось одному из пяти раджамапурских царьков в Лос-Анджелесе, в четырехзвездочном отеле, мне оставалось только гадать.

Я поднялся вместе с тюрбаноголовыми до своего этажа и, распрощавшись с Крысобою, вышел из кабины. Мы условились, когда возвращались в отель, встретиться с ним возле «Ниссана» в семь часов утра. Теперь я намеревался отдохнуть. На завтра мы запланировали первую попытку штурма виллы Гоевина.

Глава восьмая

Бывают в жизни положения, выпутаться из которых можно только с помощью изрядной доли безрассудства.

Ларошфуко

Марк Крысобой явился к месту встречи первым. Он выглядел подтянутым и собранным. В легкой спортивной одежде и с сумкой через плечо, словно теннисист, забредший на корт. Завидев меня, Крысобой спрыгнул с капота моей машины и пнул ее в колесо.

– Ты опаздываешь, – буркнул он, когда я с дистанционного пульта отдал приказ автомобилю открыть двери.

– Тебе повезло, что я вчера машине программу обороны не задал, – сказал я, погружаясь в приятное тепло салона. – А то поджидал бы меня сейчас еще дымящийся бифштекс.

– Не остроумно, Ларс, – огрызнулся Марк.

– А кто тут говорил об остроумии? – удивился я.

– Я видел, что ты вчера оставил мозг машины без заданий. Я ничем не рисковал.

Я ввел командные строки в компьютер, задавая настройки автопилота.

– Как я понимаю, наша цель восьмой километр Федерального шоссе номер тринадцать, поворот на Медвежьи скалы.

Медвежьи скалы, за которыми начинались владения мультимиллионера, виртуального магната Себастьяна Гоевина, представляли собой многометровое каменное напластование, увенчивающееся плоской площадкой, поросшей кустарником и карликовыми деревьями. Нам предстояло забраться на это плато и спуститься в густой непроходимый лес, наводненный ловушками на непрошенных гостей, как уверял меня Крысобой. Этот путь являлся единственным, который наверняка отвергли все предыдущие охотники. Так что у нас был шанс.

Скалолазное снаряжение обеспечивал Крысобой. Он достал из «Ниссана» две увесистые сумки и швырнул их мне под ноги, после чего стал выгружать оружие.

– Облачайся, – велел он. – Надеюсь, тебе приходилось с этим работать.

– Довелось, – успокоил я Марка.

Восхождение, следует признать, далось мне нелегко. Один раз я сорвался, но мне удалось зацепиться за выступ и повиснуть на высоте тринадцати метров. Издалека, наверно, я был похож на сосиску, которую кто-то раскачивает перед мордой бульдога, но не дает ему дотянуться. Крысобой кое-как вытащил меня на уступ. Оставшаяся часть восхождения прошла без приключений и катастроф.

Оказавшись на плато, мы втянули сумки с оружием и приступили к экипировке. По правде сказать, скучное это занятие. Его только в виртуальных боевиках рисуют изошренно, так что слюнки текут. Разложили мы автоматы, пистолеты, гранаты на земле, покрытой щетиной травки, как на выставке под названием «Атавизмы эпохи». Натянули на себя бронежилету и стали укладывать и рассовывать запасные обоймы и гранаты. Я прицепил к запястью правой руки маленькую коробочку «Змея» и уловил краем глаза ехидную усмешку Крысобоя. Занес ее в банк данных подозрительного поведения и навесил через голову «Шершень». В специальные кармашки я упрятал «Шипы» и прикрепил к поясу две гранаты, которыми поделился со мной Крысобой. Любезный ход с его стороны. Я ухмыльнулся и дал отмашку готовности.

Спуск был скоростным. Фактически один прыжок, стремительное падение и гравитационная подушка, включившаяся в двух метрах от земли. Мы плавно опустились друг возле друга, как перышки, парящие в застоявшемся воздухе.

Пахнуло болотом.

Под ногами хлопнула грязь и расчавкалась пузырями.

– Теперь два километра болота! – предупредил Крысобою и шагнул в жижу.

Впереди меня, насколько позволял ухватить взгляд, простиралось бескрайнее колышущееся поле салатно-грязного цвета. Коричнево-зеленое пространство раздирали кочки и одинокие столбы деревьев и пеньки, не успевшие порости мхом. Полузатопленные стволы поваленных сосен, которые преграждали нам путь.

– Похоже, нас ждут, – заметил я.

– Молодец, Ларс. Правильное умозаключение, – обрадовался Крысобою.

Он копался в карманах, будто искал что-то. Из-под бронежилета Марк извлек мешочек, лязгавший так, словно его заполнили монетами, как это делалось в древности (я видел подобное в виртуальных кино исторической тематики). Крысобою развязал мешочек и достал гайку, к которой была привязана красная ленточка.

– Что это? – удивился я.

– Гайка.

– Это я и так вижу.

– Да в книжке одной я читал. Там такие гайки использовали для разведки, – попытался объяснить Крысобою. – Я уверен, что нам здесь ловушек понаставили на лопушка. Вот даже деревья повалили, чтобы с вертолетов легче было отслеживать местность. А я эту гаечку кину вперед. Если с ней все в порядке, то и мы пройдем.

Марк метнул гайку на два метра вперед себя, и гайка исчезла в полете. Словно бы ее слизнуло пространство. Картинка была потрясающая. Крысобою сорвал с плеча «Шмель» и спрятался за кочку. Я остался стоять, как вкопанный. Я чувствовал, что эта исчезнувшая гайка ничем мне не угрожает.

– Ты решил искупаться? – ехидно осведомился я.

– Пшел... – зашипел Крысобою.

В том месте, где исчезла гайка, заискрился воздух, и в сторону кочки, где улегся Крысобою, с ураганной силой вылетела плоская железная лепешка, похожая на канализационный люк, прокатанный между прессами. Крысобою, выглядывавший из-за кочки, успел нырнуть в болотную жижу, а над его головой, срезав холмик земли, пролетела бывшая гайка.

– Придется обойти, – заметил Крысобою, поднимаясь из грязной воды.

– Что это? – поинтересовался я. Подобные аномалии мне были незнакомы.

– Я же говорил, что этот лес напичкан ловушками. А тут, похоже, эффект искривленного пространства. Гайка провалилась в иной мир, где действуют иные физические законы, там ее искорежило, а поскольку она не может там находиться, ее и выкинуло обратно. На, родная, полетай, – отряхиваясь, объяснил Марк.

– И по пути она чуть было не снесла тебе череп, – прокомментировал я. – Кстати, жаль, что она это не сделала. Весь бы гонорар за голову Гоевина отчалил бы мне.

– Обломись, судьба лихая, – ухмыльнулся Крысобою. – Крюк придется делать... Этот путь закрыт.

Наши петляния между деревьями по болоту продолжались восемь с половиной часов, если верить моему хронометру, встроенному в «Змея». Мы продвинулись от силы на два-три километра – бороздя брюхом зловонную болотную жижу. Крысобою искал весь свой запас гаек и трижды проваливался в трясину. Мне приходилось его вытаскивать. Дважды у меня мелькала шальная мысль: продолжить путь без его участия, но я не поддавался и помогал Марку выбраться. Однажды на нас обрушилось дерево и чуть было не втоптало меня своим телом в жижу. Я выпрыгнул из-под обваливающейся громады, оставив Крысобою позади себя. Марку рассекло высохшей сучкастой веткой щеку. Он зажал рваную рану и приступил к изощренному матюганью. Кровь капала в болото, а он в ярости пинал жирную гнилуху, которая намеревалась превратиться в наш мавзолей.

– Брось так психовать! – посоветовал я Крысобою.

– Ты бы знал, сколько я за одну щеку бабок выложил! Мне же все-таки скоро девяносто будет! Ты по сравнению со мной вообще сопляк! – ярился Марк.

Я помог ему перебраться через бревно, и мы медленно продолжили путь.

Смеркалось.

С карканьем над моей головой пронеслась ворона.

Я предложил сделать остановку. Нам требовалась маленькая передышка.

Крысобою кисло согласился.

Мы добрались до клочка сухой почвы и расположились на отдых. Марк извлек из заплечного рюкзака два куска мяса, и протянул один мне. От еды я отказываться не стал. С жадностью впившись зубами в мясо, я сказал:

– Кроме того искривления пространства, никаких ловушек больше не было.

– То-то и странно. Уже по всем раскладам нас раз двадцать должно было чем-нибудь шандарахнуть. Я сам удивлен. Но в принципе дальше начинается самая сложная территория. Там...

Я уловил резкое движение и сорвался с места, ныряя в болото. То место, где сидел я, вспорола автоматная очередь, забросав Крысобою травой и грязью. Он перекувырнулся за кочку, открыв из «Шмеля» огонь по кустам.

Сухое место взорвалось пламенем. Запылало, словно облитое бензином.

Пули Крысобою не нашли цель.

Я видел серую тень, лежащую между деревьев. Тень изредка разрывалась огненными всполохами. Кто-то прятался на болоте или присел отдохнуть, как и мы. Я скользнул за дерево, стараясь не хлюпать, не привлекать внимания. Тень, похоже, спятила. Она не обращала внимания на движение вокруг себя и лупила по слившейся с болотом кочке, которую уже давно стерла огнем. Крысобою отвлекал огонь на себя. Он видел мой маневр и старался его облегчить. Сумасшедшая тень могла положить нас и не оставляла выбора, как отправить ей на закуску гранату. Но с безумцем хотелось поболтать по душам. Я надеялся взять его живым. Опустившись на живот, я заструился по болоту, неумолимо приближаясь к огненной тени.

Я разглядел тень за два метра. Какой-то мужик в легкой прорезиненной одежде, прижавшись телом к мохнатому стволу дерева, стрелял из короткоствольного автомата. Что-то с этим мужиком было не так. Что-то неестественное. Что-то в нем настораживало. Но я никак не мог понять, чего я опасался. Отложив размышления на будущее, я метнулся к мужику. Я был быстрее молнии, и он не успел отреагировать. Когда он заметил мое приближение, я уже выбил из его рук автомат, и от души треснул ему в лицо кулаком. Голова агрессора дернулась и впечаталась в дерево. Он затих, закатив белые до кошмара глаза. У него не было зрачков. Вернее, они были, но тоже снежные и ничем не отличались от белка. То ли он вставил линзы, то ли альбинос. Я что-то не помнил, возможно ли такое, или же это очередная мутация.

– Повязал ублюдка?! – проорал Крысобою, не осмеливаясь выглянуть из укрытия.

– Торчи сюда.

У альбиноса отсутствовала нижняя половина туловища. Рваная рана навевала мысль о том, что кто-то выдрал человеку ноги. С такой раной он не протянул бы и часа, но ему это удалось. Потное напряженное лицо. Маленькие усики, точно нарисованные карандашом.

– На одного меньше будет, – заявил Крысобою.

– Ты его знаешь?

– Нет. Лично я эту харю не знаю. Но что это за чувырло, мне известно. – Марк сплюнул в болото и утер грязное лицо. – Это один из охотников. Так что на одного меньше. Вместе с тобой осталось восемь.

– Семь, – поправил я. – Ты забыл про пьянчужку.

Альбинос зашевелился.

– Только что он здесь делает? – размышлял Марк.

– А где ему быть? – удивился я.

– Он покинул гостиницу две недели назад. И отправился на охоту. Это он три километра за две недели пер. Приличная скорость. Нечего сказать.

Альбинос открыл глаза и скривился, будто от яркого света.

– Ты чего, урод, палить начал? – склонился над ополовиненным Крысобою. – Ни себе, ни другим?

Альбинос расхохотался.

– Ты чего ржешь, сука? – удивился Марк.

– Вы еще пожалеете, что я вас не прикончил, – ответил Альбинос.

Из его рта сочилась клюквенным соком кровь.

– Ты что, охренел, урезанный?

– Здесь кольцо. Дальше дороги нет. Придется все начать сначала.

Альбинос, точно ребенок, погрозил пальцем Крысобою.

– Придурок...

Крысобою пнул Альбиноса.

– Ты где две недели петлял? – осведомился я.

– ...от медведей сюда и обратно... от медведей сюда и обратно... от медведей сюда и обратно... от ме...

Бормотание Альбиноса было прервано сухим щелчком «Шмеля». Пуля пригвоздила его голову к дереву.

– Он нам больше не нужен, – пояснил Крысобою. – Попехали дальше.

Закинув рюкзак за спину, он упрямо прыгнул в жижу, погрузившись в нее по пояс. Подмигнув мне, Марк, раздвигая телом шевелящуюся трясину, заскользил прочь от Альбиноса.

Не тратя время на размышления над словами ополовиненного, я последовал за Марком, но вскоре нам доходчиво объяснили то, о чем Альбинос говорил туманно.

Через пятнадцать минут мы покинули болото и выбрались на берег. Начинался лес, однако стоило нам углубиться в сосновую чащу, пространство вокруг нас вздрогнуло и свернулось. Вместе с нашим сознанием.

Когда я очнулся, моя голова раскалывалась, словно из нее, как из яйца, кто-то пытался вылупиться. Я открыл глаза и осмотрелся. Марк распластался рядом со мной. Его лицо было залито кровью, а над нами возвышались Медвежьи скалы.

Глава девятая

*Высшая мудрость солдатской жизни – умение бодро рапортовать
«Есть!» и ничего не делать.*

Джо Холдман. 11 тезисов военнослужащего Холдемана

Дорога до леса во второй раз далась нам нелегко. Мы шли понурые и в душе матерились. Крысобой собирал гайки, разбросанные им в первом заходе. Создавалось ощущение, что над нами издевались, а когда лес вновь отбросил нас к Медвежьим скалам, Крысобой устроил поругание болота. Выразилось это в том, что он истратил две обоймы, отправив их в аномальную зону, которая расплющила гайку до двухметровой лепешки. Когда взрыв гнева свернулся, Крысобой укрылся в овражке, ожидая ответной отдачи зоны поглощения. Лишь когда мы удалились от нее на двести метров, за нашими спинами загрохотали выстрелы, больше похожие на распиловку электропилой бетонной плиты.

Я предложил идти другой дорогой. Раз нас уже два раза откидывало обратно, значит, мы избрали неверный путь. Крысобой согласился со мной, но заметил:

– Ты думаешь, тот урезанный не успел тут за две недели все тропки испробовать?

– Что ты тогда предлагаешь?

Я остановился и упер руки в бока, будто рассерженная домохозяйка, только электро-скалки не хватало.

– Не знаю, браток, но что-то тут ущербно. Я имею в виду наши действия, а не твои умственные способности. В них я изначально сомневался. Не куксилось что-то.

Я оскалился, и тут меня осенило. Я понял, где правильный путь, который мы прозевали изначально из-за чьей-то начитанности.

– Марк, я знаю, куда нам идти.

– Да?.. Серьезно?.. – Крысолов обернулся ко мне. – Урезанный тоже знал, только его это не спасло.

– В том-то и дело, что ни хрена он не знал. Он так же, как и ты, перестраховался и получил свое.

– Это ты о чем? – настороженно спросил Крысобой, опускаясь на пенек.

– Да о гайках твоих. Их бы тебе в зад засунуть, чтобы не мусорил на болоте. Читатель выискался...

– Сейчас я их тебе засуну, – беззлобно пообещал Марк.

– Тебе никогда не говорили? Самый верный путь простой. Или, если сформулировать иначе: кратчайшая дорога между двумя точками – прямая.

– А тебе никогда не объясняли, как проложить кратчайшую тропку на кладбище? Если тебе жизнь не дорога, то и суйся сам в ту дырень, тебя там сплющит, а я полюбуюсь, – хмуро предложил Марк.

– У тебя есть альтернатива? – спросил я.

Где-то на глубине слуха я разобрал стрекот лопастей. К нам летели флопперы – боевые воздушные машины, класса «стрекоза». Они находились от нас далеко, но это пока. Марк тоже уловил их приближение и завертелся на месте, задрав голову вверх, стараясь угадать сторону, откуда надвигается опасность.

– По-моему, у нас нет выхода, – заметил я.

– А как же этот ополовиненный от флопперов спасался? – возразил Крысобой. – Должен быть другой путь.

– А ты у него и спроси, – предложил я.

Я развернулся и направился обратно к Медвежьим скалам. Я видел только один путь. Я знал, что он точен. Недаром я не почувствовал опасности, когда Марк метнул в искривленное пространство гайку. Опасности просто не было. Вот в чем ответ.

Крысбой молча последовал за мной. Я слышал его ворчливое сопение. Что ни говори, а восемьдесят лет отразились на его характере, и, надо сказать, не в лучшую сторону.

– Слушай, а может, нам по деревьям попытаться обойти? – разразился конструктивной идеей Крысбой.

– Ты как себе это представляешь? – спросил я, ловя ртом сырой воздух.

– Ну, с ветки на ветку на канатах... – пояснил Марк.

– Две макаки, вооружены и очень опасны, – хохотнул я.

Мы выбрались к начальной точке нашего пути. Над болотом нависла Медвежья скала в лучах заходящего солнца. Близился к концу второй день нашего блуждания по болоту.

– Случилась у меня один раз занимательная история, – заговорил вдруг Крысбой. – Заказ я получил. Ну, если до конца честным быть, то это мой первый заказ был. Полсотни лет назад. Когда говорю эту цифру, ужасаюсь, до какой степени я старый. Конечно, существуют и более старые люди – с современной генной хирургией вкупе с пластическими разработками это не сложно. Но эти люди, их древность, она мне как-то по барабану. Она не моя, не со мной случилась... В общем, получил я заказ. Так себе заказик, простенький. А для новичка в самый раз. Чего сложного пацана шестнадцатилетнего убрать.

– Чем он Правительству не угодил?

– Чего-то там с компьютерами накуролесил, с сетями. По-моему, он накрыл правительственную систему. И во избежание дальнейших проблем, его решили устранить. Я оказался единственным охотником, взявшимся за эту работу. Я был наивняк полный. Только-только лицензию получил. Выследил я паренька. А он еще сопливый совсем, – голос Марка дрожал. – Родители у него были пожилые. После курса омоложения. Маленький городок. Я до сих пор помню название этого захолустья – Таркерз-Миллз. По-моему, мальчишка даже не понимал, что он натворил. Для него вся сеть была игрушкой. Дорогой, сложной, увлекательной игрушкой. Он не верил в реальность происходящего. Он не верил, что сетью можно убить, и не только убить, а поставить страну, планету, на грань вымирания...

Крысбой замолчал.

– И что ты сделал? – полюбопытствовал я.

Я знал, что он ответит, но мне хотелось разрушить молчание. Уж очень тягостным оно было. В особенности перед тем, что нам предстояло.

– Что?.. Что?.. А что я мог сделать? У меня, во-первых, не было другого выхода, а, во-вторых, он был опасен. Он был катастрофически опасен. Его нельзя было оставлять в живых. Это самоубийство для государства.

– А попытаться объяснить?

– Ты тупой или прикидываешься? Он был опасен одним своим присутствием. Одним напоминанием о том, что он есть.

Гул нарастал. Флопперы темными точками показались на горизонте.

– Нам пора, – заторопился я.

– Может, сначала чего-нибудь кинем? – предложил Марк.

– Если только твою голову.

Я сделал два шага и погрузился в зловонную жижу по пояс. Вязкая и теплая жижа. Я двигался и толкал ее грудью, словно тележку, заполненную булыжниками. Марк чертыхнулся, помянул недобрым словом виртуальщика и последовал за мной.

– Если меня расплющит, как лягушку под микроскопом, я тебя распну, – пообещал Крысбой.

– Если будет чем, – ехидно огрызнулся я. Флопперы стучали лопастями почти над самой Медвежьей скалой, когда я вступил в дрожащее пространство.

Картинка далекого леса, чуть расплывчатая, которую я проткнул, точно мыльный пузырь. Одновременно с этим зарычали пулеметы, вспарывая болотную жижу.

Небо было окрашено в цвет гнилой сливы. Оно нависло над моей головой настолько низко, что казалось, вот-вот рухнет и раздавит. Воздух был разреженный. Моим легким его не хватало. Вокруг меня из сиреневого сумрака выступали скальные пики, пронзившие земную твердь изнутри, и с воем и карканьем в небе вилась рубленая тень, будто сшитая из разноцветных лоскутов. Впереди меня с неба низвергался в бездну сверкающий водопад, сплетенный из излучений и плазмы. Водопад издавал треск, от которого закладывало уши. На спину навалилась тяжесть, точно я поднял Марка Крысобоя к себе на плечи. Я качнулся и чуть было не сорвался. Прямо перед моими ногами разверзлась бездна, куда устремлялся блистающий водопад. Носок ботинка сорвал струйку камешков, которые исчезли в пропасти.

И тут меня прошибло мыслью, которая могла повлечь за собой катастрофу.

Для того чтобы попасть в нашу реальность, нужно шагнуть. Сделать один шаг. Шаг в бездну. Но я не мог его сделать. Я видел kloкочущую блистающую бездну, склеенную из тысячи маленьких огоньков моей гибели. И я не мог решиться на самоубийственный шаг. Я замер над пропастью. Дыхание участилось, сжигая остатки окружавшего меня кислорода. Я понимал, что промедление смерти подобно, но ничего не мог с собой поделать. Две угрозы жизни вступили в противоборство, которое было разрешено грубым тычком в спину. Я инстинктивно выбросил ногу вперед, проклиная Крысобоя, и шагнул, вываливаясь в нашу реальность на лесную поляну.

За мной появился Крысобой.

Я уткнулся лицом в палую прелую листву и часто-часто задышал, жадно заглатывая воздух.

Крысобой прыгнул мне на спину, повернул к себе и схватил меня за грудки. Он дышал мне в Лицо чесноком и перегоревшим виски. Он был разъярен. Он крепко сжал зубы и стал цедить слова:

– Ты чего, сука? Ты меня подставить хотел?! Ты чего там замер, словно памятник космопроходцу.

Я нащупал ствол «Страйзера» – силового ружья, лежащего возле меня. Дотянулся до предохранителя, неслышно сбросил его и, чуть изменив траекторию удара, нажал на курок.

Крысобой долю секунды назад тряс меня за грудки, и тут силовая волна вторглась ему в грудь и отшвырнула его. Марк взвился в воздух и, отлетев на два метра, врезался в сосну. Дерево треснуло под действием силовой волны и с ворчливым скрежетом завалилось в чащу, повиснув на ветвях однолеса.

– Я не мог сделать шаг! – выверенным тоном заявил я, поднимаясь с земли.

Грудь, выдержавшая прыжок Крысобоя, болела.

– Что значит, не мог, сука?! Чего ты мне иллюминаторы затираешь?! – матерился Крысобой.

– Там был обрыв. Я на обрыве торчал, пока ты мне в спину не впилился. Ты в трезвом уме сам бы в бездну пошел? А? Тогда какие проблемы? Чего ты тут мозги крутишь?

Крысобой, потирая ушибленную грудь, заржал, откидываясь на спину.

– Чего ты ржешь, кабан? – удивленно спросил я.

– Я ржу от удовольствия, – сквозь смех выдавил слова Марк.

– Какое на хрен удовольствие?

Я чувствовал, что еще чуть-чуть, и я от злости взорвусь, как ядерная бомба.

– Я просто охренительно рад, что ты оказался прав, и мы до сих пор живы, – пояснил Марк.

Я улыбнулся, ощущая, как тает в душе злость.

– Знаешь что, Марк... Когда все это закончится, если мы оба будем живы... – я сплюнул и устало зажмурил глаза. – Я тебя, Марк, не трону. Я лично готов поделиться с тобой бабками.

Это был порыв души. Мне нравился Крысобою. Я сжился с ним за эти два дня, которые мы провели вместе на болоте. Я заужавал его и убивать не собирался.

– Русс, я думал сам тебе это предложить.

Марк вскочил на ноги и подошел ко мне. Он стоял, сверля мне глаза серьезным испытующим взглядом.

– Ну и по рукам, – с облегчением сказал я.

Я понял, что теперь мне не стоит опасаться, что Крысобою подарит мне пулю в спину. Я чувствовал, что отныне он перестал быть опасен для меня. Пока это ощущение жило не на уровне доверия, а на этаже интуиции, но меня устраивал и такой статус.

Я пожал Марку Крысобою руку и хлопнул его по плечу, в ответ на его похлопывания.

Глава десятая

Умру ли я если остановлюсь

Я люблю тебя

Ветер

Два точка

Мама

СТОП

Джеймс Блэш. Ни железная решетка...

Чаща, начавшаяся за поляной, была испещрена оврагами, поросшими кустарником. Складывалось впечатление, что овраги имели искусственное происхождение и более напоминали заброшенные траншеи, в которых когда-то размещалась живая сила обороны. Так и виделись в сумраке солдаты, дымящие сигарами и обсуждающие дамочек.

Ветви преграждали путь, хлестали по лицу, цеплялись за волосы. Мы продирались сквозь валежник, взяв на изготовку автоматы. Преодолевали лощины, скатываясь по склону и взбираясь на склон, цепляясь за сучья кустарников и корни.

Молча. За всю дорогу от поляны ни я, ни Марк не издали ни звука. Лишь тяжелое дыхание и скрежет зубов.

Я следовал за спиной Крысобоя, погруженный в мысли, как в виртуальный фильм. Слово «Амбер» и мое имя крутились в голове со скоростью антигравитационного привода. Я пытался вспомнить значение этих слов, но ничего не получалось. Слова оставались для меня одновременно теплыми, родными и далекими, как звезды. Я пытался приблизить звезды. Я протягивал к ним руки, цеплялся и тянул к себе. Я чувствовал, что истина совсем рядом. Я был близок к прозрению, но в тот момент, когда я ощутил, что еще секунда, и понимание прорвется в меня, разрушая плотину, сдерживающую буйство безумной реки, тарахтение пулемета вывело меня из размышлений. Пули зашлепали возле моих ног. Я отпрыгнул назад, сбив Крысобоя с ног, и вместе мы скатились вниз в овраг.

– Во, мать моя, какая-то тварь лупит, – выругался Крысобой.

– Точно, тварь. Ты не засек, откуда били? – поинтересовался я.

– Я две точки зацепил. Одна в правом кустарнике. Другая в левом. И перекрестным огнем мочат, суки!

Крысобой проверил обойму в «Шмеле».

– Пошупаем, – предложил я.

И пополз по склону обратно на поросший кустарником гребень, выбрав из всего вооружения «Страйзер». Перезарядив силовое ружье, я высунулся из оврага и навлек на себя шквал огня.

– Отвлеки их!! – крикнул я Крысобой.

Марк взлетел на вершину и, выскочив из оврага, как чертик из табакерки, метнулся за бугор дерева. Пулеметные очереди ушли в его сторону, чем я и воспользовался. Разряд силового ружья смел пулеметный расчет справа. Точка слева переключилась на меня, и я, перезаряжая ружье, рухнул назад в овраг. Зататораторил «Шмель» Крысобой, заливая левый пулемет огнем. Я предпринял вторую попытку и, вновь взойдя на лесистый гребень, разрядил «Страйзер» в левую пулеметную точку.

Потом бросился, перепрыгивая через кусты и коряги, к тому месту, где скрывался стрелок, держа наготове перезаряженное силовое ружье. Первое, что я увидел, был пулемет – искореженная железка с погнутым стволом и расплюснутым прикладом. В трех метрах от оружия валялся бездыханный стрелок. Лицо его было измазано кровью, точно боевой раскраской.

Нелепо вывернутая рука, явно сломанная при падении на корягу, и сук, торчащий из груди. С этого паренька спросить было уже нечего.

– Марк, как твой?! – окликнул я Крысобою.

– Живехонек, подлюка! – отозвался Марк.

Я пнул напоследок пулемет и поспешил к товарищу. Крысобою склонился над человеком в камуфляже «лес», который дергался в конвульсиях. Лицо пулеметчика выглядело раздавленным, будто кто-то наступил на него и повращался на каблуках.

– Слушай, какая странная штука, – заметил я. – Я стрелял в тебя из «Страйзера», и тебе хоть бы хны. А этим бедолагам все кости переломало.

– Ничего тут странного, – ухмыльнулся Марк. – У меня же ребра титановые.

– Хорошая охрана у виртуальщика, – похвалил я.

– А ты что хотел? Отряд салажат! Или банду дебилов?

Ответить, что бы я предпочел видеть на месте пулеметных расчетов, я не успел. Я услышал пение пуль и вытолкнул Крысобою из зоны их действия, уходя сам. Пули разнесли в щепу дерево, словно выщербил из ствола излишки веса, чтобы проступила талия, и могучая сосна с кряхтением стала заваливаться в сторону, откуда доносились автоматные трели.

Люди в камуфляже проступили повсюду. Они висели на ветвях, вглядываясь в лесную темень. Они находились за деревьями, шаря сканерами по пространству вокруг. Они торчали из оврагов, как весенние поганки. Они поднимались с земли вместе с шапками камуфляжного кустарника.

– Мне никто не говорил, что виртуальщика охраняет целая армия, – изумился Марк.

– Ты думаешь, меня успели предупредить? – спросил я.

Нас засекли и накрыли лавиной свинца. Пули неслись с воздуха от охранников в ветвях. Пули шелестели с земли, не давая поднять голову. Пули вспахивали землю перед нами, засыпая грязью, щепой и осколками камней.

– Крысобою, у тебя семья есть?!! – пытаюсь перекричать поток смерти, проорал я.

– Была когда-то!! – донеслось до меня.

– Чего случилось?!!

– Работа дрянная!!!

Из леса нужно было улепетывать.

– Прикрой!! – крикнул я.

Я вскинул автомат, перекатываясь на спину, чтобы стали видны вершины деревьев, и дал короткую очередь, срезав двух солдат, зацепившихся на вершинах. Они бесшумно зашатались на ветках и свалились на землю.

Крысобою подле меня закашлял автоматом.

Я переключил внимание на оставшихся дозорных и в две минуты уничтожил все гнезда. Теперь можно было и Марку подсобить, если еще было в чем.

Между тем солдаты продолжали наступать. Они пытались зажать нас в кольцо и из гранатометов зачистить территорию, но я вынужден был их огорчить. Обломитесь, ребята. Так просто меня не взять. Я выдернул чеку гранаты и метнул ее в гущу врагов. Секунда молчания, и гром, микшированный с огнем. Падающие на нас деревья – удачное прикрытие для отступления.

– Бежим!!! – крикнул я Марку, поднимаясь с нашего лежища, как волк, накрытый охотниками.

Повторять Крысобою дважды не пришлось. За что мужика и уважаю, все с полуслова понимает. Я бежал, петляя, точно пьяный, пытающийся добраться до дома в ускоренном воспроизведении. Я чувствовал каждую пулю, которая была пущена мне в спину, и от каждой я уворачивался. Когда я удалился от сил врага на достаточное расстояние, я нырнул к земле, разворачиваясь в прыжке. Мое лицо познало холод мокрых листьев. На секунду я сомкнул

веки, чтобы восстановить точность зрения, и, раскрыв глаза, открыл беглую стрельбу по преследователям. Секундой позже подле меня упал Марк. Похоже, его все-таки зацепили. Его лицо было перепачкано грязью, а из разорванного плеча лилась кровь. Крысобою сдернул со спины базуку «Шторм» и нацелился на врага, который нас догонял. Две ракеты с шипением вырвались из «Шторма» и вздыбили землю. Солдаты летали в воздухе, отброшенные взрывной волной, как марионетки. Лопались стволы, и деревья падали, погребая под собой не успевших увернуться солдат.

– А теперь под шумок сматываемся, – предложил я.

Мы сорвались с земли и сломя голову понеслись в лес, стараясь уйти как можно дальше от возможного преследования. Мы оставляли за спиной пожар и крики агонии. Но за нами никто не гнался.

В шестистах метрах от места столкновения с заградительным отрядом охраны Гоевина я наткнулся на голое мужское тело, стоящее у дерева. При ближайшем рассмотрении я обнаружил, что человека пристрочили дротиками к древесине.

– Но почему он голый? – спросил я, слегка ошарашенный.

– Ну, нудист, наверное, – неуверенно предположил Крысобою.

– Ага, а чего он тогда в лесу делает? В первый раз вижу, чтоб нудисты с деревьями обнимались.

Крысобою, ухватив мертвеца за волосы, поднял голову, поникшую на грудь.

– По-моему, это еще один конкурент. Бывший.

– Шесть осталось, – посчитал я. – Скажи, Марк, а за что тебя Крысобою прозвали?

– Старая это история, – хмыкнул Марк, отпуская мертвеца. – Будет время, расскажу.

Мы отступили от трупа на два шага.

И вдруг земля под нашими ногами разверзлась.

Я вскинул руки, пытаясь за что-нибудь уцепиться, и ухватился за ветку кустарника, который рос на нетронутой земле. Крысобою с криком ухнул вниз, но в последнюю секунду схватился за мои ноги. Кустарник склонился к земле, напрягая ветви, по которым бурлил сок. Я взглянул вниз. На дне ямы белели остро отточенные колья, которые торчали, словно зубы ощеренной пасти неведомого подземного чудовища. Я попытался ухватиться свободной рукой за край ямы, но края обваливались, мешая уцепиться. Я увидел, что показались корни кустарника. Он не выдерживал.

Вдруг ветка под моей рукой ожила. Она зазмеилась, обвивая мое запястье и поползла вверх по плечу. Ветка напряглась, и я почувствовал, как она стала тянуть меня вверх. Внизу застонал Крысобою. Я понимал, что простреленное плечо мало располагает к силовым нагрузкам. Ветка вытащила меня на поверхность. Я лег на живот и медленно переместился в неопасную зону, подтягивая Крысобою. Оказавшись на тверди, я вернулся к дырке, и помог Марку окончательно вылезти.

Марк, улегшись возле пропасти, тяжело задыхался, сведя в злобе брови. Он держался за простреленное плечо. Кровотечение усилилось. Я подхватил его под мышки и оттащил в более безопасное место. На моих глазах яма закрылась, точно это и вправду была чья-то хищная пасть. Я отцепил от пояса медицинский пакет. Вколол Крысобою антибиотик, наложил на рану лекарство и перевязал бинтом.

– Ты это видел? – спросил я Марка.

– Видел, – отозвался Крысобою.

– Ты знаешь, что это?

– Яма-то? – переспросил Марк. – А она с той веткой, что нас вытащила, одним шприцом мазана.

– Генетические мутанты, – догадался я.

– Точно. Разумные растения.

– Но опыты же запрещены.

– Для всех, кроме Гоевина, – поправил Крысобой.

И тут я увидел, как его глаза расплываются в ужасе, и оглянулся. На нас надвигался пожар. Исторгнутый «Штормом» Крысобой, огонь разросся и с жадностью ростовщика стал захватывать новые территории.

Но мало того, что нам угрожал пожар, помимо этого лес вокруг нас стал оживать. Раскачивались ветви, улавливая приближающийся жар. Грозно шумела листва. Заходили ходуном стволы. И, судя по движению и гулу, окружившему нас, лес был настроен к нам отнюдь не дружелюбно.

– Бежать сможешь? – поинтересовался я.

– Смогу, – сжав зубы, отозвался Марк.

Во второй уже раз за последние полчаса мы пытались побить мировой рекорд в беге. Пламя жарило нам пятки, но пока что еще держалось на почтительном расстоянии. Оно не так угрожало, как разъяренный лес, который не мог сдвинуться с места и спастись, но мог уничтожить виновников своей смерти. Одна из ветвей, деформировавшаяся в лиану-руку, ухватила за ногу Крысобой и дернула его на себя. Марк рухнул лицом в траву, перевернулся и попытался отцепиться от живой лианы. Я изогнул кисть руки, на которой угнездился «Змей», и сжал пальцы, активируя детекторы. Струя плазмы ударила из моего запястья и перерубила лиану. Освобожденный Крысобой спихнул с ноги дергающийся в конвульсиях обрубок ветки и нагнал меня.

– Классная у тебя «Змейка»!!! – прокричал он мне в ухо.

Деревья тянули к нам ветви. Я отстреливался «Змеем», разрубая чересчур назойливые и ухватистые.

Лес оборвался внезапно. Я увидел впереди себя расплывчатые очертания деревьев, которые раскрывались передо мной. Поздно я сообразил, что это новое окно, подобное тому, которое атаковал гайками Крысобой. Не успевая замедлить шаг, я влетел в пространственную дыру и вывалился на раскаленный песок на вершине бархана. Крысобой, дышавший мне в спину, толкнул меня с вершины, и я покатился вниз, чувствуя кожей лица и рук жар, исходящий от несметного количества песчинок. Оказавшись у подножия гигантского песчаного горба, я вскочил на ноги, ощущая, как наливаются потом волосы и лицо, и, задрвав подбородок, посмотрел на вершину, где в нерешительности топталась одинокая фигура Крысобой.

– Катись сюда!!! – прокричал я ему.

Марк прыгнул на зад и съехал с бархана.

Я прикрыл глаза рукой и попытался осмотреться. Низкое небо с огромным раскаленным блином солнца, приклеенным к горизонту. Нескончаемые песчаные завалы. Картина удручающая. Из огня в пустыню. Неприятненько.

– Обратно нам не вернуться. Окно сохранилось, но там пожар, – вслух размышлял я.

– Чего остается? – спросил Марк.

– Пехать вперед...

– Ну и где этот твой перед?

– Там, куда глаза глядят. Мне почему-то кажется, что эта пустыня – часть нашего пути. Я в этом уверен, – заявил я и добавил: – Там, куда мы в первый раз попали, пространство было непригодно для жизни. Временный переход с ловушкой внутри. А тут мы и жить сможем. Правда, без воды недолго.

– Пойдем не спеша.

Крысобой встал во главе каравана, а я замкнул его, и мы, оставляя за собой петляющие следы в песке, проваливаясь по колено и падая, пошли, мечтая поскорее покинуть пустыню, в которой ни я, ни Крысобой до сегодняшнего дня ни разу не были.

Глава одиннадцатая

Это существо живет и работает в самой толще человечества, несет в себе неведомую грозную программу, и страшнее всего то, что оно само ничего не знает об этой программе и ничего не узнает о ней даже в тот неопределенный момент, когда эта программа включится наконец, взорвет в нем землянина и поведет его...

А. и Б. Стругацкие. Жук в муравейнике

На третьем часу пути, измученный жарой, я принял решение – избавиться от всего лишнего. И срочно провел ревизию всех вещей, которые находились на мне. На песке я оставил лишнее оружие, куртку и глянул на Крысобоя, который выглядел куда более плачевно, чем я. Раненое плечо, оттягиваемое «Штормом», распухло и раздуло куртку. Усталые глаза заливал пот. Грязные волосы стояли на голове каменной грядой. Увидев, что я делаю, Крысобой последовал моему примеру и сбросил с себя все лишнее. Я сразу почувствовал резвость и с легкостью преодолел три бархана, обогнав Марка, но на четвертом песчаном гребне силы вновь иссякли. Я припал на одно колено и, расслабившись, сполз к подножию. Солнце болталось в небе, как проклятие. Крысобой, догнавший меня, обреченно рухнул рядом, и, склонив голову на грудь, прошептал:

– Пить хочется.

– У нас совсем ничего? – спросил я.

– Может, глотка три в моей фляжке, – предположил Марк, срывая с пояса раскаленную жестяную бутыл.

Поболтав ею в воздухе, он отвинтил колпачок и нацедил в него воды. Протянул мне. Я опрокинул влагу в себя, и она испарилась, соприкоснувшись с моим языком. Дососав остатки воды, Марк отбросил фляжку, и ее тут же занесло песком.

– Мы правильно идем? – спросил Крысобой.

– Должно быть, так.

– Когда же этот пляж кончится?

– Как только к морю выйдем.

Я поднялся на ноги. Тело болело, точно меня пропустили через камнедробилку. Веки разбухли и дрожали. Меня клонило в сон. Двое суток (пошли уже третьи) мы не спали и не отдыхали, за исключением коротких стоянок, но делать их в пустыне... Такая мысль меня совсем не грела.

Я сделал первый шаг. Сделал второй. И двинулся вперед, будто по инерции.

Крысобой с зубовным скрежетом последовал за мной. Насколько я помнил его досье, изученное еще в гостинице, он вернулся к вольной охоте после восьмилетнего перерыва. И сразу по полной нагрузке, но деньги того стоили.

Усилием воли переставляя ноги, я задумался и не заметил, как отключился от реального мира, погружаясь все глубже и глубже во вселенную внутри меня. Я размышлял. Я ковырял киркой стыки между кирпичами, которыми была заложена дверь в секретную комнату, где были спрятаны ответы на все вопросы, но кирка ломалась, будто ее выдули из стекла, а стыки оставались целыми и даже не крошились. Ни грамма цемента не высыпалось из швов.

На повестке дня стояло два вопроса: кто я? и что для меня означает планета Амбер? Я чувствовал, что во мне живет какая-то программа. Что-то я должен был сделать... Но я не знал что, и это злило меня, заставляя в остервенении долбать по стене киркой. Эта уверенность таилась во мне на грани сумерек. Я ничего не понимал, хоть и пытался на ощупь догадаться, что к чему. Все ответы лежали за кирпичной стеной в замурованной комнате. Может, там библиотека, где все книги посвящены моей персоне? И тут я четко осознал, что моя экспедиция

через болото, лес и пустыню за головой Гоевина имеет смысл. Не просто денежная сумма, выплаченная за выполненную работу, а что-то большее.

И с этим теплым ощущением я очнулся. Я был грубо вырван из размышлений вязкими объятиями, которые поднимались от ног и устремлялись к горлу. Меня спеленали так, что я не мог пошевелиться. Каждое новое движение лишь отягчало мое положение. Я медленно погружался в пески, которые обволакивали меня. Будет мне надгробная толща.

– Русс, твою мать, руку давай!!! – метался Марк на твердой поверхности.

– Лучше кинь мне от автомата лямку!!! – крикнул я и ушел в песок на локоть.

Крысобою освободил один конец ремня и перекинул мне. Я попытался поймать, но удалось мне это с третьей попытки. Я намотал свободную часть ремня на кулак. Крысобою уселся на песок, ухватился за автомат – и чем-то очень напомнил мне раба за веслом на галере; напрягшись так, что повыступали все жилы, точно подкожные жгуты-паразиты, Марк стал меня вытаскивать. Сантиметр за сантиметром я освобождался от оков песка. А Крысобою все тащил и тащил. Я не мог погибнуть. Теперь я знал, что должен, во что бы то ни стало дойти до виллы магната. Может, там, на вилле, прояснится хоть часть туманных мест в моей голове.

Очувтившись на твердом песке, я упал на спину и закрыл глаза.

– Чего ты меня спасать-то полез, Крысобою?

Пересохшие губы еле шевелились.

– А чего, смотреть, как ты под землю уходишь? – раздраженно спросил Марк.

– Ну, так тебе бы весь гонорар перепал. А то еще делиться придется, – усмехнулся я, и легкие взорвались жаром, будто они были набиты песком.

– А я лучше поделюсь, – хитро сощурился Крысобою.

– Надо идти, Марк. Нужно выбираться из песков, – сказал я, поднимаясь.

Ночь наступила внезапно. Солнце, висящее у горизонта, исчезло, и на небо повысыпали звезды. Вместе с солнцем сгинула жара, и резко похолодало. Я упал на бархан и закрыл глаза. Крысобою свалился рядом.

– Пока прохладно, давай поспим, – предложил я.

Крысобою не ответил. Он уже спал.

Проснулся я оттого, что кто-то выворачивал мне руки. Прежде чем открыть глаза, я прислушался к своим ощущениям. Жара уже приближалась, и, если бы меня не разбудили, проснуться все равно бы пришлось – минут через тридцать. На фоне поднимающейся температуры мои запястья пронзал холод, высасывая из тела тепло.

Восемь человек, одетых в камуфляж «пустыня», окружили меня, как им казалось, беспомощного. Они держали автоматы наизготове. Лица спрятаны под серыми капюшонами с прорезями для глаз, которые закрыты темными очками. Кроме автоматов класса «Веер» солдаты были вооружены короткими офицерскими кинжалами.

Я в наручниках. Блестящие игрушки сковали мои запястья. И я один. Крысобою нигде не было видно. Я попытался осмотреться, повернул голову и получил пинок сапогом в живот. Скрючившись в позе эмбриона, я покосился на запястье. «Змей» остался со мной. Они подумали, что это всего лишь часы и не опасны. Великое упущение. Можно было сейчас воспользоваться плазменной пушкой, но после короткого колебания я решил повременить и разузнать, что это за люди и куда они дели Марка.

С вершины песчаного гребня, увенчанного колючкой, под которым мы прилегли отдохнуть, заструился песок, и раздался женский грудной голос:

– Где второй?

Значит, это все-таки охрана виртуальщика.

– Когда мы пришли, госпожа полковник, он был один.

– Вы упустили второго.

Дамочка, судя по голосу, изволила гневаться на нерадивых подчиненных. Она соскользнула по склону бархана и оказалась подле своего отряда. От солдат она мало чем отличалась. Та же форма, тот же капюшон с прорезями и очками, только полковничьи нашивки на рукавах. – Поднимайте балласт. И пошли. Дорога впереди неблизкая, – приказала она.

А я обиделся. Это кого она балластом назвала?.. За балласт ответишь.

Казалось, пустыне не будет конца. Нескончаемые горбы барханов. Едва мы взбирались на очередной холм, как тут же нам открывался вид на нескончаемую цепочку песчаных гребней, теряющуюся в бесконечности.

Песок. Песок. Песок. Песок.

Солнце выкатилось в зенит и нещадно палило, грозя свести с ума любой живой организм, но мои безликие спутники были непроницаемы.

В любой момент я мог освободиться от браслетов. У меня в рукаве болтались целых два козыря. Первый козырь – «Змей». Тут уж без комментариев. Горящей грудой мяса, которая когда-то была человеком, они излишни. Второй козырь – мои способности. Если моей жизни будет угрожать опасность, я без труда порву игрушки, которыми мне сковали руки. Но опасности для себя я не чувствовал. От этих людей она не исходила. Так что, зная о бренности своего заключения, я решил выведать, куда меня ведут и кому я понадобился. Если же меня решили доставить Себастьяну Гоевину пред светлые очи, что ж, тем лучше. Быстрее цель настигну.

Меня волновал лишь Марк Крысобой. Куда он исчез? Логика подсказывала, что он смылся, почуввав опасность, но эта же логика протестовала против такого умозаключения. Крысобой не отличался трусливостью, и уж если он куда-то запропал, то явно не по этой причине. Если бы Крысобой решил от меня избавиться, он давно бы это сделал и не стал бы откладывать такую простую работу в долгий ящик, тем более случай представлялся не раз.

Исчезновение Крысобоя лежало в иной плоскости.

По пустыне мы отмотали километров пять. Госпожа полковник во главе каравана. Я в сердцевине.

Одиноко.

Безлико.

Молча.

Солдаты, захватившие меня, не выказывали признаков усталости. Они, словно роботы, мерили песок шагами. Из вредности я спотыкался на каждом шагу, старался повиснуть на впереди идущем бойце или нарваться на дуло позади идущего. Дважды, изображая усталость, я падал, но меня тут же грубо вздергивали на ноги, и тычками гнали вперед. Третье падение я разыграл, как цирковое представление. Запнувшись на ровном месте, я толкнул в спину бойца, стараясь сбить его с ног, полетел на песок, опрокинув еще двух воинов (покувыркаемся!), и, отползая от матерящихся солдат, заканючил:

– Я дальше не пойду. Я устал.

– Госпожа полковник, – обратился один из безликих воинов к предводительнице.

– Разрешаю обратиться, Рашаль.

– Давайте расстреляем его прямо здесь. Чего с ним возиться?

Похоже, этому пареньку я не очень нравился.

– У меня приказ доставить его живым и невредимым.

– Лучше прикончить, как тех двоих, и не мучился бы, – проворчал один из уроненных мною.

Из короткой перебранки я, растекшийся по песку, как топленое молоко на экваториальном базаре, вынес две полезные ниточки, которые, если их размотать, приведут к двум разным клубочкам. Но начать я решил не по порядку, а с самого простого. Желаемого я добился. Время выиграл. Госпожа полковник отдала приказ о привале, и у меня появилось время на размышления. Ниточка первая – простая: обиженный на меня солдат упомянул двух расстре-

лянных человек. Тут и мыслей других быть не может. У нас с Крысобоем на двух конкурентов стало меньше.

Солдаты откупорили фляжки и стали хлестать воду, задрав капюшоны до уровня рта. Госпожа полковник капюшон стянула вовсе и стала поливать бритый череп.

Последний раз воду я пил до насыщения в лесу, перед тем как обнаружить голый припиленный наподобие бабочки труп. Но обильное возлияние меня мало привлекало. Я заинтересовался личиком госпожи полковника. Как эти два слова не сочетались друг с другом. Женщину я в последний раз щупал задолго до бомбардировки доков. Так что затяжное голодание пересилило жажду. Тем более что госпожа полковник лицом мне приглянулась. Красивые точеные черты таили что-то жестокое и неуловимое одновременно, что меня и привлекало.

Стараясь отвлечься от несбыточных желаний, я вернулся к размышлениям. Но амплуа мыслителя мне мало нравилось. Было в нем что-то ущербное. Вторая ниточка привела к более сложным умозаключениям. После слов, которые невзначай проронила госпожа полковник, у меня складывалось впечатление, что за моей скромной персоной эта воинская группа охотилась специально. Возникал вопрос: кому же я так нестерпимо потребовался? Два ответа напрашивались сами. Первый ответ: Себастьяну Гоевину. Но отчего у виртуального магната такое пристальное внимание к моей непримечательной личности. Второй ответ нравился мне меньше: СБЗ, однако одного взгляда на госпожу полковника было достаточно, чтобы отвергнуть это предположение. В движениях этой женщины и в ее поведении проскальзывала армейская выучка, а не спецподготовка агентов с лоском элитарности. Значит, все-таки Гоевин... Но зачем я ему потребовался? Похоже, ответ на этот вопрос я получу, лишь встретившись с магнатом.

Солдаты вокруг меня зашебуршились, подхватили автоматы и заозирались по сторонам, словно ожидали нападения. Госпожа полковник нахлобучила на голову капюшон и с автоматом наперевес вскарабкалась на ближайший холм.

Я поднялся на ноги и приготовился к расстыковке наручников в экстренном случае.

– Опасность!!! Устрицы!!! – закричала госпожа полковник, скатываясь с холма.

То, что выползло из-за бархана, мало напоминало устрицу. Громадная восьминогая лохматая гусеница с лязгающими друг о друга клинками клыков и всадником нечеловеческой наружности на спине.

– Огонь!!! – приказала госпожа полковник и первой начала стрелять.

Солдаты последовали приказу командира, но девять пулевых потоков не причинили неповоротливой гусенице никакого вреда. Пули отлетали от ее сегментарного тела, высекая искры. За первой гусеницей показались еще две, а на лице госпожи полковника стала явственно читаться готовность умереть в бою.

Похоже, все-таки к Себастьяну Гоевину я попаду без почетного эскорта.

Я отклонил ладони, чтобы не запалить их, и сжал пальцы. Плазменный язык «Змея» слизнул цепь, связывающую браслеты на запястьях. Второй разряд «Змея» я направил на гусеницу, но плазма не причинила ей вреда. «Змей» против гусеницы оказался бесполезен. Другого оружия у меня не было. Все отобрали при пленении.

На поясе одного из солдат я заметил гранату из своего арсенала. Сорвав с растерявшегося конвоира ячеистую гранату, по форме напоминающую яйцо, я с удовольствием врезал бойцу в челюсть и, выдернув чеку, метнул гранату под брюхо первой гусеницы. Взрывом ей разнесло живот. Неприятный резкий коньячный запах, отдающий дерьмом, ударил в нос. Такое ощущение, что в брюхе у этой твари сдохло и разложилось целое армейское подразделение. Еще секунда – и вот уже другая гусеница раскачивалась на восьми лапах, словно медитировала, потом тоскливо взывала, разинув зубастую пасть, и упала. Всадник, спрыгнувший с ее спины, – двуногий, прямоходящий, безрукий, с щупальцами из головы – был срезан короткой очередью.

– Гранаты под устрицы!!!

Похоже, госпожа полковник быстро усваивала новую информацию. Однако ее подчиненные плохо работали вместе. Четыре гранаты влетели под правую гусеницу и одна под левую. Взрывом справа в песке образовался котлован, куда следующим взрывом смело левую гусеницу и погребло останки обеих под лавиной песка. Всадники не попытались спастись.

Госпожа полковник обернулась ко мне. Она хотела что-то сказать, но не успела. Из-за холма показались еще четыре гусеницы подкрепления. Солдаты вскинули автоматы. Гранаты изготовились к полету, когда я заметил на спине первой гусеницы нечто необычное. Позади щупальцевого всадника, обхватив его за туловище, восседал Марк Крысобой.

– Не стрелять!!! – возопил я.

И, как ни странно, меня послушались.

Глава двенадцатая

*Игрок, поддавшийся азарту,
Не уповай на милость Бога,
Игрок, что ставит все на карту,
На карту ставит слишком много.*
Мирза Шофи

– Группы странные существа, – рассказывал Марк, раскачиваясь на соседней с моей гусенице. – Нижняя часть... на вашем сленге, она, кажется, называется устрица? – обратился он к госпоже полковнику, которая была уже разоружена и плелась во главе своего отряда перед трехметровыми чудовищами. Госпожа полковник не удостоила Крысобою ответом.

– Так вот, нижняя часть устрицы – это тело, а верхняя, называемая всадником, мозг.

– Ты хочешь сказать, что это одно существо? – удивился я.

Щупальцеголовый обернулся ко мне и, раскрыв узкую беззубую пасть, спрятанную между щупальцами, произнес, слегка картавя:

– Одно. Одно.

– Познакомься, это Сайди. Он единственный умеет говорить на лингве. Правда, предпочитает молчать, – пояснил Марк.

– Не хило. Мозг может существовать отдельно от тела!

Я наполнился изумлением. Такого мне еще не приходилось видеть.

– Мозг соединен с телом щупальцем, похожим формой на детородный орган. Видел я его лишь однажды. Кстати, это и удивительно. У группсов отношение к соединительному хоботу такое же трепетное, граничащее с священным фанатизмом. Когда тело становится нежизнеспособным, мозг покидает его и подыскивает в стаде подходящее тело. Тело выполняет все животные функции, потребляет пищу, выделяет отходы, спаривается, а мозг высасывает энергию, необходимую для своего существования. Что самое прикольное, рождается мозг с телом раздельно. Мужские особи рожают мозги, а женские – тела. Мозги рождаются редко. Раз в два года в колонии появляются до десяти новых мозгов, в то время как тел – до ста. Кстати, Рената... – обратился Крысобою к госпоже полковнику.

«Он ее знает», – удивился я.

– ...потеря мозга, одного мозга для колонии существенна. А если мозг убит, то убийца обязательно должен быть подвергнут трансформации.

Я заметил, как вздрогнула госпожа полковник. Рената.

– Что это означает? – спросил я.

– Убийца будет генетически трансформирован в мозг, – ответил Крысобою, наслаждаясь волнами ужаса, которые исходили от солдат.

– Откуда тебе это известно? – спросил я.

– Я когда-то служил в этих местах. Это планета Фаргал. Одна двадцатая ее часть заполнена пустыней. Когда-то на Фаргале существовала мощная цивилизация, вышедшая в космос. Говорят, что это и есть планета Предтеч. Но это версия. Одна из множества версий. Планета пережила ядерную зиму. Цивилизация исчезла, оставив зерна своего присутствия на многих планетах, в том числе и на Земле, и на Амбере. Группы – цивилизация, появившаяся после ядерной зимы.

Солдата, пристрелившего мозг, мы вынуждены были отдать группсам. Закон есть закон. Группс-тело запеленало визжащего в ужасе солдата красной пенящейся нитью и уволокло за собой, догоняя сородичей.

Мы остались возле врат в иное пространство. Солдаты, передумавшие с нами воевать, и госпожа полковник, разъяренная фурия, пожиравшая нас взглядом. Они лежали на песке, давая телу отдых. Дневной переход под дулами автоматов и клыками группсов измотал их.

– Что будем с ними делать? – спросил я Крысобой, усаживаясь рядом с ним.

Он сидел в отдалении от плененных.

– По большому счету их надо бы расстрелять, – ответил Марк. – Но мне это не нравится.

– Они перейдут на нашу сторону?

– Чем мы им платить будем? Гонорар гоевинский на десять частей поделим? – возмутился Марк.

– Зачем так грубо. Гонорар наш. А им два часа на разграбление виллы, – предложил я, не сводя глаз с плененных.

– Это, конечно, мысль, – одобрил Крысобой. – Рената должна согласиться. За остальных не ручаюсь. Они уже провалили задание Гоевина по нашей поимке. Так что могут считать себя уволенными без выходного пособия. Надо попробовать, Ларс. Надо попробовать, Русс.

– Откуда ты знаешь Ренату? – полюбопытствовал я.

– Доводилось с ней работать. Рената Музыкантская универсум в своем роде. Единственный вольный охотник-женщина. Я с ней в одной компании усмирал восстание на Сарракше. Нам дали заказ на голову предводителя повстанцев. Его мы убрали. А потом эта политиканская крыса лорд Джудд, представитель Правительства Земли от Европы, нашел в наших действиях что-то негуманное, незаконное, и меня с Музыкантской под суд отдал. Уж не знаю, с кем Рената переспала, но с нее обвинения были сняты, а мне восемь лет впаяли. Так что я без трех минут бывший зэк. Это мое первое дело после заключения. Знаешь, как было тяжело получить лицензию с таким клеймом в биографии...

Солнце упало за край.

Звезды засверкали в черном бездонном небе.

Порхало молчание.

– Ты куда пропал? – спросил я. Крысобой усмехнулся:

– Не спалось. Тут шум какой-то. Я на бархан взобрался. Глянул. Группсы. Тут меня и осенило, что нас на Фаргал занесло. Я к ним подошел. Пообщаться. Немного по-ихнему базарить могу. А пока трепался, тебя уже прихватили. Я-то сразу смекнул, что это магната нашего людишки. Ну, думаю, пусть до врат доведут, а там Ларса Русса отобью. А когда вы на привал остановились, после твоей клоунады... Снимаю шляпу, если бы она у меня была, сыграл ты профессионально. Тут еще и Музыкантскую увидел. Дальше тянуть было нельзя. Мы и налетели.

– Когда эти твари появились, выглядели они весьма эффектно... Скоро ли пойдем? – поинтересовался я, кивнув в сторону врат.

Песок перед дрожащим пространством серебрился.

– Не знаю. Может, еще отдохнуть? – предложил Крысобой.

– Не стоит, – отверг я. – Сейчас надо идти.

– Почему, Русс?

– А вдруг нам пустыня еще что-нибудь подкинет? Может, высланы другие отряды, о которых Музыкантская не знает?

Крысобой мотнул головой:

– Вот и я не знаю.

– Лорда Джудда виртуальщику этому в задницу!.. Пошли. С народом потолкуем.

Солдатам много времени на размышления не потребовалось. Они согласились сразу. Их воодушевила идея – разграбить виллу магната, на которой они неоднократно бывали. Судя по реакции пленных, на вилле было что взять. Дольше всех сомневалась Рената Музыкантская. Я чувствовал, что ее смущает персона Марка Крысобой, как товарища по оружию. В их отно-

шениях все было вовсе не так просто, как пытался представить Крысобой. Наконец она согласилась, и я вернул бойцам обоймы от их автоматов.

– Что ждет нас за воротами? – спросил я Музыкантскую.

Она вскинула на меня выразительные глаза, и я в них утонул.

Ненадолго.

Дела требовали срочного возвращения на поверхность.

– Сады, – неохотно отозвалась Музыкантская. – Они окружают виллу полукольцом.

– Ловушки? – консультировался я.

– В основном охрана. Гоевин нанял ее из наемников.

– Сколько?

– Человек двести.

– А нас десять. Хорошее сочетание, – пробормотал я.

– Ты еще посчитай шесть охотников, – напомнил Марк.

– Четыре, – поправил я Крысобой.

– Почему четыре? – удивился Марк.

– Потому что двух бедуинов они... – я кивнул на Музыкантскую, – уже успели оприх-
довать.

Рената молчала. Она всматривалась в ночное небо, где звезды стали медленно пропадать, будто их проглатывало неведомое.

– Нужно срочно уходить, – нервно сказала она, не отрывая глаз от неба.

– Чего так? – насмешливо спросил Марк.

– На нас надвигается песчаная буря.

Глава тринадцатая

Ад – особая милость, которой удостоиваются те, кто упорно ее домогался.

А. Камю

По одну сторону врат, открывавших проход в другую бытийную плоскость, буйствовал песок, вздыбливаемый ураганным ветром. По другую бесчинствовал дождь. Мы, выпав из пространственного перехода, тут же поспешили ретироваться под ветви раскидистого дуба. Я задрал голову, стараясь ртом уловить как можно больше капель. Я пил и не мог насытиться. Рядом конкуренцию мне составил Крысобою. Я зажмурил глаза, наслаждаясь влагой. Мое пересохшее горло испытывало блаженство. Музыкантская и солдаты пилились на нас, как на сумасшедших. Никому из них не пришло в голову поделиться с нами водой из фляжек.

Утолив жажду, я томно вздохнул и, раскрыв глаза, столкнулся взглядом с белыми проколотыми глазницами статуи, которая стояла, полускрытая в кустах. Статуя изображала мужчину, судя по курчавым волосам, он явно принадлежал к сонму богов. Но налюбоваться им и идентифицировать его личность я не успел. Голова мужчины взорвалась, и посыпались ветки с кустарника, который скрывал скульптуру, – словно пьяный садовник, вооружившись лазерным секатором, авангардно легким взмахом уполовинил кусты. Листья взвились вверх и закружились, как пух из разграбленного курятника.

Я опрокинулся на спину и перекатился за дерево. Солдаты охраны заняли позицию в начале садовой дорожки, укрывшись за скамейками и статуями. Оценить их количество мне не удалось. Я нацелил «Шершень» на садовую дорожку и заозирался по сторонам. Крысобою отцеплял от пояса гранаты и раскладывал их перед собой, точно пасьянс. А Музыкантская вытаскила пистолет и проверяла обойму. Ее солдаты, как зеркало, повторяли ее действия.

– Не стрелять!!! – завопила Рената. – Не стрелять!!!

Крысобою вздрогнул и злобно покосился на свою бывшую пассию. Он оставил в покое гранаты и вытянул из-за пояса пистолет класса «Кактус», намереваясь всадить в женщину всю обойму игл.

Я зашипел на Марка.

И Марк меня услышал. Он убрал «Кактус» на грудь, так, чтобы при случае до него легко можно было дотянуться, и взглядом волка впился в Ренату, ожидая от нее подвоха.

– Ребята, это я, полковник Музыкантская!!! Прекратить стрельбу!!! Мы доставляем пленных для Себастьяна Гоевина!!! – разорвалась Рената.

Но солдаты плохо понимали ее и осыпали наш квадрат свинцовым удобрением.

– Кончайте стрелять, дебилы недоношенные!!! Мать вашу драную!!!

Такой разговор солдатам пришелся по вкусу. Стрельба в одно мгновение прекратилась, и на садовую дорожку повыползал наткнувшийся на нас отряд.

– Поднимайте свои тощие зады, шакалы!!! – прокричала Рената, обращаясь ко мне и Марку.

Крысобою зарычал, наверно, поклявшись при случае порвать Музыкантскую на куски, но послушался и оставил боезапас на траве. Я с большой неохотой, отодвинув «Шершень» в кусты, поднялся и демонстративно заложил руки за спину. Ко мне подскочил шустрый рядовой из нашего отряда и, уперев дуло автомата в позвоночник, толкнул на дорожку.

Что-то должно было произойти.

Я чувствовал движение воздуха, упоенного предвкушением грядущих смертей.

Под конвоем мы с Крысобою, сверля глазами спину Ренате, приблизились к отряду охранников, столкнувшихся с нами. Их было двадцать человек. По два выстрела на каждого.

В том, что это подстава со стороны Музыкантской, я не верил. Ловушка была. Я ее чувствовал, но в этой ловушке мне, как и Крысобой, была уготована участь хищного паука, а охранникам – мух, угодивших в нашу сеть. Надо только помнить, что паучихи имеют привычку питаться особыми мужского поля.

Марк Крысобой был уверен в обратном. Он уже жалел, что оставил гранаты, которых бы хватило, чтобы отправить охранников вместе с Музыкантской к праотцам.

– Лейтенант Клопов, – козырнул Ренате старший по званию.

– Полковник Музыкантская, – ответила Рената. – Какого хрена вы стали палить без разбору? Что, форму не разобрали?

– К нам поступило сообщение, что группа террористов может прорвать периметр и что они могут быть одеты в форму гвардии, – доложил лейтенант.

– Кто-нибудь еще проходил?

– Один человек пытался пробраться сквозь сад. Отстреливался. Вторая рота обезвредила его.

Я победоносно оглянулся на Крысобоя. Теперь у нас только трое конкурентов.

– Бдите, господин лейтенант. В этот раз, что называется, пронесло. Но в другой раз может пронести мимо толчка. Вольно.

Лейтенантик расслабился и пропустил пулю, которой Рената поцеловала его в лоб.

Зашелкали выстрелы, исходящие от наших солдат. Противник оказался застигнут врасплох.

Крысобой выпустил из «Кактуса» веер игл в лицо ближайшему охраннику и вторым веером измочалил в лохмотья шею другого.

Стрелять мне было не из чего, а поучаствовать в разборке хотелось, чтобы внести, так сказать, свою лепту.

Врага было не жалко. Единственная его вина заключалась в том, что он стал служить человеку, оказавшемуся вне закона. Но, в конце концов, они знали, на что шли, и за опасность получали добавку к зарплате, а за каждого убитого противника премию.

Моя совесть была чиста.

Ударом ноги я пробил горло мужику справа, а левого захватил в двойной Нельсон и переломил ему хребет.

– Дальше будет хуже, – сообщила Рената. – Это третья рота. Мы первая. Нас ожидают еще вторая, четвертая и до десятой. Так что работы неуворот. Будем врываться резко, чтобы они не опомнились.

– А я думал, ты нас заложить решила, – сообщил я, хлопая Музыкантскую по плечу.

– В следующий раз обязательно, – пообещала Рената.

Наши солдаты посдирали оружие с трупов. Похоже, они тоже не забивали себе головы этическими проблемами. И то, что со многими из убитых они спали в одной казарме, ели в одной столовке и сражались плечом к плечу, их волновало мало. Я стал подозревать, что эти солдаты прошли курс психокоррекции, и им стерли все излишние чувства для точного выполнения задания.

Я вернулся за «Шершнем».

Крысобой рассовал по карманам гранаты и взглянул на меня.

– Ну, что, пощекочем виртуальщику нервы?

– Скорее уж поджарим, – поправил я Марка.

– Ага. Подпалим ему задницу, – согласился Крысобой.

Двести метров мы двигались в относительном спокойствии, если не считать невесть откуда взявшихся комаров, которые шумной ордой вились над нашими головами. Мы пересекли центральную аллею парка и углубились в виноградные дебри. Цель была близка, когда нас накрыл автоматный огонь. Рядом со мной пареньку изрешетили всю грудь. Чуть в отдале-

нии ближе к Музыкантской грохнул взрыв, и солдата разнесло на куски. Виноградины порхали в воздухе, словно летчики-камикадзе. Брызги винограда летели нам в лицо, окрашивая кожу в кровавые цвета. Хорошее название для детективного романа «Смерть в винограде»! Рената отреагировала на взрыв огнем и упала на землю. Мы последовали за ней. И тут нас атаковали комары. Они всей оравой навалились на одного из нашей группы, и через минуту, заполненную истошным визгом несчастного, автоматными перебранками и зловещим гулом, они покинули то, что осталось от человека. Раздувшийся, бившийся в агонии мешок мяса, чьи мучения оборвал Крысобою двумя выстрелами в голову.

Орда нашла новую жертву. Она окутала плотным шевелящимся облаком еще одного нашего солдата, оставшегося для меня и Марка безымянным, и утробно запищала.

– Таким темпом нас всех пожрут!!! – проорала Музыкантская.

– Эх, мать!! Джудда в ад!!! – выругался Крысобою, привстал и одну за другой метнул три последних гранаты в залегшего впереди противника.

Гранаты вряд ли долетели до вражеской линии. Слишком далеко. Но они позволили нам создать дымовую завесу. Один за другим хлопнули взрывы, вздыбливая пламя, переворачивая землю. Виноград поднялся в воздух облаком сока, сквозь который пронеслись мы. Оставшиеся в живых. За нами, хищно гудя, летела орда насекомых.

Мы вынырнули из дыма и винограда в двух шагах от позиции неприятеля. «Шершень» забился у меня в руках, зачищая огневые точки, не успевшие открыть по нам огонь.

Мы пронеслись сквозь врага, точно ураган, и, мелькая, будто живые мишени, помчались дальше, рискуя схлопотать пулю в спину. Но солдатам охраны было уже не до нас. Рой комаров, преследуя наш отряд, налетел на залегшие роты и облепил их. Через минуту солдаты дрогнули и обратились в бегство. Побросав оружие, они удирали вслед за нами, перепрыгивая через трупы товарищей.

Насекомые потеряли к ним интерес через десять метров. На земле осталось много трупов и полуживых обездвиженных тел, которыми можно было полакомиться. И хищные комары вернулись к ним.

Красивая картинка получилась. Впереди всех неслась Музыкантская с Крысобою, за ними я и трое оставшихся ребят из нашего отряда, а в нашем кильватере человек пятьдесят вражеских солдат, обезумевших от страха. Значит, все-таки я ошибся, и психокодировке они не подвергались, иначе такого забега не получилось бы.

Мы со скоростью лосей во время гона приближались к вилле Гоевина, которая Тадж-Махалом возвышалась над садами. Впереди показалась парадная лестница, скопированная с одного из Версальских дворцов. Подъездная дорожка с десятком поставленных на прикол автомобилей и флаеров и тьмой охранников, которые, держа наперевес автоматы, прогуливались между машинами и сидели на ступеньках лестницы. И мы бежали прямо на них.

Еще минута, и нас перестреляют, как котят.

Мы вылетели из леса, и я, толкнув ребят рядом с собой, сбил с ног Крысобою и Музыкантскую и сам упал на траву.

– Какого хе... – хотел было возмутиться Марк, но я его перебил:

– Огонь!!!

«Шершень» затрясся в руках от приступа свинцового кашля.

Крысобою не пришлось долго уговаривать, и он вторил мне из трофейного «Шмеля».

Шесть свинцовых струй окатили автомобили, делая из них сито, застучали по вилле, оставляя в стене выбоины. Взвился в воздух подорванный флаер. Пуля угодила в его топливный бак. Наш залп выкосил человек сорок охранников, пока они сообразили, что на них напали, и позалезали в укрытия.

Мой план удался. Из леса вылетели наши обезумевшие преследователи, перескочили через нас, не обратив внимания на препятствие, и понеслись на охрану с дикими глазами и

истощными воплями. Охрана, разбредшаяся кто куда, разбираться не стала. По ним стреляли. И они открыли огонь, не допуская людскую волну до виллы.

– Вперед!!! – заорал я, первым вскакивая с земли.

Если у нас и был шанс захватить виллу, так только на спинах смертников. Что мы и сделали. Они проложили нам дорогу до автомобилей, устлая ее своими трупами, и мы под их прикрытием налетели на врага, как коршуны на легкую добычу. Короткая перестрелка решила исход вопроса. Охранники, укрывшиеся за корпусами транспорта, навечно остались лежать под колесами.

Человек десять, уцелевших от нашего заградительного отряда, понеслись к вилле, но не добежали, остановленные пулями тех, кто попрятался между колонн.

– Осталось самое малое – на виллу попасть!!! – крикнул я Крысобою.

– Попадем!! – откликнулась Музыкантская.

– Как?!! – заголосил Марк, укрывавшийся за корпусом «мерседеса».

– А вот как!!

Женщина извлекла из нагрудного кармана маленькую плоскую коробочку с направляющей антенной (коробочка очень напоминала пульт дистанционного управления) и нажала на кнопку. Взрыв обрушил всю парадную лестницу вместе с балюстрадой и колоннами крыльца, погребая под обломками защитников виллы.

– Это тебе не лорда Джудда трахать, – изумился Крысобою.

– Как тебе это удалось? – спросил я.

Рената хищно улыбнулась и сообщила:

– Нам еще остатки охраны из виллы выкуривать и Двух охотников.

– Почему двух? – опередил меня с вопросом Крысобою. – Их же три оставалось?

– Потому что я третий охотник, – обрадовала нас Рената. – Я работала на Гоевина давно, а потом заключила контракт на его голову. Тогда готовиться стала. Всю виллу начинила взрывчаткой. Планировала, когда все охотники отстреляются, я под их шумок и выполню заказ. Тут вы подвернулись. Значит, судьба мне с тобой, Крысобою, и с тобой...

– Ларс Русс, – представился я.

– ...и с тобой, Ларс Русс, начатое завершить.

– Тогда в бой! – крикнул я, вскакивая с земли.

Вместе со мной встали Крысобою и Музыкантская. Солдаты из ее отряда с земли не поднялись.

Глава четырнадцатая

Солдат – просто фигура в сложной игре, которую ведет правительство, и когда он поймет это и выйдет из себя, как правило, будет поздно.

Джо Холдеман. 11 тезисов военнослужащего Холдемана

Вилла выглядела пустынной и шикарной. Целый дворец, выстроенный в лесах. Когда-то в этом районе росло несколько маленьких городков, но это было двести с лишним лет назад. Об этом нам сообщила Музыкантская, когда мы карабкались по разбитым колоннам.

Взобравшись по руинам, оставшимся от крыльца, я ухватился за порог и втянулся в дверной проем. Подняв Крысобоя и Ренату, я встал на ноги, сделал первый шаг по треснувшему паркетному полу виллы, и тут же меня ударили по зубам солдатским ботинком, подкованным стальными гвоздями. Пошатнувшись, я чуть было не столкнулся Крысобоя вниз, на обломки, но Марк отпихнул меня в объятия напавшего и выстрелил из «Кактуса». То, что осталось от лица охранника после того, как его насквозь прошили сто игл, напоминало использованную доску для игры в дартс. Мужик выпал из моих рук, открывая за собой вид на трех охранников, изготовившихся к стрельбе. Я нырнул на пол, уходя с линии огня, и очередью «Шершня» положил всю тройку.

– Уф! – вздохнул я, поднимаясь с пола.

– Надо рассредоточиться, – предложил Крысобой.

– Встретимся на втором этаже! – крикнула Музыкантская, уходя в правый коридор.

Через минуту защелкал «Шмель», вступая в перебранку с металлическими сородичами.

– Ну, что! – посмотрел я на Крысобоя. – Если я первый найду Гоевина и прикончу, гоно-
рар пополам.

– Договорились. С меня также.

Мы разошлись.

Я выбрал центральную анфиладу, которая пронзала три залы, увешанные картинами, и утыкалась в зал, посвященный древнему оружию. Очутившись здесь, я замер, пытаюсь найти дверь, куда мне идти дальше. Дверь, в которую я вошел, за моей спиной захлопнулась. А другого выхода я не видел.

Внезапно позади себя я уловил легкое движение. Я резко обернулся, приседая, и вовремя. Над моей головой пронеслось массивное лезвие меча.

Человека, который стоял передо мной, я уже видел, но мельком, и где, я никак не мог припомнить. Я сжал пальцы на правой руке, и плазменное жало «Змея» пронзило его насквозь, выжигая в животе дыру. Глаза человека-номерка выпучились в удивлении, и он упал на пол. Теперь я вспомнил, где я видел его. Он был одним из свиты царька, поселившегося в отеле в Лос-Анджелесе, где я проживал. Я поднимался с ним в лифте. С ним и Крысобоем. Я прислушался к пространству, стараясь уловить движение друзей, но меня окружала тишина.

Хлоп. Хлоп. Хлоп.

Хлопки за моей спиной.

Я обернулся.

Посередине зала стоял человек в простой рубашке навыпуск и в шароварах. Он хлопал в ладоши. С левой руки у него свисали зеленые четки, а у пояса болтался меч.

– Bravo! Bravo! Bravo! – промурлыкал человек.

Этот смазливый кошак и был тем царьком, а также одним из оставшихся в живых охотников.

– Ты уже нашел Гоевина? – спросил я, направляя на незнакомца раструб автомата.

- Нет. Мы только успели войти, а тут вы бомбанули крыльцо.
- Ну, значит, тебе и не суждено.
- Ты не выстрелишь, – прокурлыкал царек.

Ну, вот, еще один маньяк-телепат выискался. Он пытался меня очаровать в полном смысле этого слова. Загипнотизировать и заставить бросить оружие, после чего отсечь мне голову легким движением. Как ему должно быть обидно, что на меня весь этот гипноз не действует. Не внушаемый я.

Но хоть и не внушаемый, пристрелить мне кошака не удалось. По банальным причинам. Патроны кончились. А «Шипы» – пистолеты я еще в пустыне выкинул, как ненужное оборудование, затрудняющее дальнейший ход.

Я отбросил в сторону автомат и огляделся по сторонам в поисках подходящего оружия. Про плазменный бич на руке я забыл, да и не мог он мне помочь. Заряд аккумуляторов после последнего выстрела равнялся нулю. Ближайшая секира висела в двух метрах от меня на стене, но до нее еще допрыгнуть надо, а царек уже оказался подле меня и замахивался для удара.

«Не везет мне как-то с оружием», – подумал я, уклоняясь от смертельного выпада.

И тут я вспомнил, почему у меня ботинки такие тяжелые.

Не давая царьку роздыху, я сжал пальцы правой ноги, подпрыгнул и в прыжке прочертил ногой воздух возле лица противника. Три лезвия, спрятанные в подметке ботинка и активизированные напряжением мышц ступни, рассекли охотнику-конкуренту горло. Он выронил меч, который я тут же подхватил, попытался зажать рану, но руки не достали до шеи, обессилили, и упали. А вслед за ними упало тело.

Одним меньше.

Теперь бы только дверь найти.

Дверь оказалась внутри холста. Она была частью полотна венецианского художника и идеально сливалась с картиной. За дверью я обнаружил лестницу, по которой и устремился вверх. Миновав два поворота, я очутился перед другой дверью, которую незамедлительно распахнул, и, ожидая свинцового приветствия, выждал секунд двадцать, перед тем как войти. Меня никто не встретил автоматным огнем, никто не обрадовал одиночными пистолетными выстрелами, никто даже не попытался проткнуть клинком, что наводило на печальные размышления.

Я оказался в огромной пустой темной комнате, где из мебели был лишь стул. Вдоль стены висела видеопанель, а на стуле сидел грузный человек, лица которого мне не удалось сперва разглядеть.

Не выпуская из рук меч, я попытался освоиться в окружавшем меня пространстве, но не успел. Две двери распахнулись одновременно, и в комнату влетели Крысобою и Музыкантская. Тут же вспыхнул свет.

– Ларс, ты уже здесь?! – крикнул мне Марк. – А это что за перец? – заметил он затылок мужика.

– Хрен его знает, – отозвался я. – Мужик, обернись!!!

Он обернулся. Перед нами сидел Себастьян Гоевин, собственной персоной, небритый, подавленный. Затравленный какой-то. Я не успел ничего сказать. Музыкантская вскинула пистолет, один из моих «Шипов», и впечатала пулю Гоевину в лоб. Виртуальный магнат покачнулся, из дырки в голове хлынула алая жидкость, и под гром внезапно возникшей помпезной музыки он завалился на спину вместе со стулом.

– И у нас появился победитель!! – ворвался в комнату истошный голос.

И включилась видеопанель, с которой на нас смотрел Себастьян Гоевин.

– Я вижу, господа, вы удивлены моим внезапным воскрешением? – добродушно спросил магнат. – Не беспокойтесь. Я жив, а это мой клон!

Предчувствуя нехорошее, я сполз по стене на пол, выпустив из рук меч. Похоже, мы все-таки проиграли, а Гоевин нас обхитрил и подсунул пустышку.

Я покосился на Крысобоя. Он выглядел ошарашенным. А вот кто вообще не удивился, так это Музыкантская. Складывалось впечатление, что она обо всем знала.

– Уважаемые охотники, во-первых, хотелось бы вам сообщить, что никакого заказа на мою голову от Правительства не поступало...

Похоже, он нас надуть решил. Либо сам обманывается.

– ...мои слова может подтвердить глава Лиги Вольных Охотников – Алекс Лопановский.

На панели появилась бородастая голова, знакомая любому вольному охотнику от стажера до ветерана.

– Я подтверждаю слова Себастьяна Гоевина. Никакого правительственного заказа на его голову не поступало.

– Алекс, что за муть?! – вскричал Крысобой, подскакивая к панели и загораживая обзор. Я сдвинулся. Я не гордый. Тем более прерывать праведный гнев Марка не хотелось.

– Марк, это не муть, – ответил Лопановский. – Это шоу.

Лицо Алекса Лопановского растворилось в ехидной ухмылке Себастьяна Гоевина.

– Сядьте, господин Крысобой. Сядьте.

Марк послушайся.

– Если вам недостаточно слов Алекса Лопановского, то вот вам документальное подтверждение.

Я мог вполне удовлетвориться словами Лопановского, но раз настаивают...

В комнату въехал робот с подносом в изящных клешнях. На подносе лежал лист, который я тут же подхватил и впился в строчки официального документа с гербовой печатью Правительства Земли и штрихкодами с восемью степенями защиты. В документе значилось, что Правительство Земли не выдвигало заказ на голову Себастьяна Гоевина. Документ был настоящим или подделанным Мухаммедом Абу Иль Али, царствие ему Аллаха. Но не всем же пользоваться его услугами. Протянув документ Крысобой, я удобно устроился на полу, поджав под себя ноги.

– Я поздравляю вас, господа... – продолжил Себастьян Гоевин. – Вы участвовали в виртуальном реалити-шоу «Сезон охоты». Через три недели начнется его трансляция в сети. Заказ на свою голову я разместил сам с разрешения Алекса Лопановского. Это совместный проект моей корпорации и Лиги Вольных Охотников. С тех пор как вы подписали контракт, за вами ежесекундно следят тысячи видеокамер размером от пуговицы до спутника. И вы, госпожа Музыкантская, являетесь победителем шоу. Вам все-таки, несмотря на все препятствия, удалось убить магната, и за это вы получаете три миллиона кредиток. Господа Ларс Русс и Марк Крысобой, вам, как участникам шоу и пришедшим к финишу одновременно с победителем, предлагается по пятьсот тысяч кредиток, плюс к этому контракт на участие в новом шоу. Если хотите, госпожа Музыкантская, вы тоже можете участвовать. Ваш ответ?

Что ж, такой расклад меня вполне устраивал. Пятьсот тысяч лучше, чем сто двадцать, тем более, если и убивать жертву из-за них не пришлось. Новое шоу? Это уж как получится. Подумать надо. Мои мысли озвучил Марк Крысобой, взглянув на меня, словно испрашивая совета.

– Это ваше право, господа. Думайте, – согласился Себастьян Гоевин. – Возле виллы вас уже ждет лимузин. Он отвезет вас в самый лучший отель Лос-Анджелеса, где для вас забронированы президентские номера. Думайте. Сутки вам на размышления.

Экран погас.

Дверь в комнату распахнулась, и вошел худой мужчина, вытянутый по струнке, в форме шофера:

– Лимузин ждет вас.

Шофер поклонился.

Экран внезапно вспыхнул, явив улыбающееся лицо Гоевина, который смотрел на меня.

– Удачи тебе, Ларс Русс, – сказал он.

Экран погас.

Что-то связывало меня с Себастьяном Гоевином.

Что?

Часть II Шоу-тайм

Глава первая

*Птицы – существа, которые щебечут.
Клиффорд Саймак. Братство талисмана*

Я видел под собой облака, которые раскрылись, явив жемчужную россыпь звезд. Я чувствовал, что эти звезды принадлежат мне. Я услышал рев двигателей и жар распада всего сущего. Рядом со мной брал разбег для прыжка к звездам исполинский величественный корабль, похожий на воздушный дворец, сотканный из зефира. На бортах в солнечных лучах переливалась эмблема – дерево-шар с оранжевыми листьями в когтях зеленой летучей мыши о двух головах. Я чувствовал, что эта эмблема для меня родная. Она что-то означает, что-то домашнее, но ощущение таяло, как мороженое на солнцепеке.

Корабль-город проплыл мимо меня. Я видел, что творилось внутри него на палубах и в каютах, на капитанском мостике, в штурманской рубке и в камбузе. Люди в кипящем стальном муравейнике, подключенные к мозгу корабля, управляющие кухонными роботами, отдыхающие и играющие в пинг-понг магнитными ракетками. Я хотел ринуться к кораблю, ворваться внутрь и слиться с его обитателями, но я оставался недвижим. Я не мог пошевелить ни одним мускулом. Душу заполняло отчаяние, оставляя крохотный сектор надежды.

Корабль вонзился в небо и освободился от притяжения планеты. Я наблюдал, как сотни кораблей стартовали вослед ему. Железный рой молочной белизны таял в пепельном небе догорающей планеты.

Я ощутил полет.

Я оторвался от цепей, сковывавших мое тело, и зажмурил глаза от ветра, хлеставшего по щекам. Бешеный полет. Когда я осмелился открыть глаза, я увидел ту же картинку – железный рой в угольном небе, но эта картинка находилась в ином пространстве, как будто я сидел в комнате и смотрел в окно, которое больше напоминало экран в кинотеатре. Вдруг окно-экран изрезали трещины, из которых полилась густая кровавая патока, и оно лопнуло, засыпав меня осколками.

Кто-то тряс меня за плечо и басил мне в ухо:

– Русс, твою мать. Просыпайся. Какого хрена разоспался!

Я открыл глаза.

Надо мной склонился Марк Крысобой и будил меня самым наглым образом. А так хотелось досмотреть сон до конца. Может быть, за осколками... Какими осколками? Я чувствовал, что во сне присутствовали осколки, но что за осколки, какие осколки и что мне снилось, я никак не мог вспомнить. Память заботливо зачистила за собой следы.

Я поднялся и уселся на койке, позевывая и потягиваясь. Я находился в прозрачном пузыре комнаты, которую со всех сторон окружала вода и опутывали водоросли. Впору испугаться. Что со мной и случилось в первую секунду, но тут всплыла фамилия Гоевин и имя Себастьян, и все встало на свои места.

ШОУ.

Реальное шоу, в котором я, Марк Крысобой, Рената Музыкантская и тринадцать человек (от которых мы в первый же день обособились, выбрав себе отдельно стоящий комплекс капсул,

предназначенных для проживания маленькой группы) оказались помещенными на планету, лишенную суши. Наша задача выжить. Последней пятерке могижан будет вручена денежная премия. Такие условия конкурса выдвинул Себастьян Гоевин, и нас загрузили через ставшие уже привычными врата.

Начался второй день нашего подводного заточения. И пока что я мало представлял себе, как из нашей группы отфильтруют одиннадцать человек. Ни одной трудности и близко не наблюдалось, но, судя по встревоженной физиономии Крысобоя, беззаботные деньки закончились.

– Чего стряслось?

– Нас атакуют, – ошарашил новостью Марк.

– Кто атакует? Акулы, что ли? Кальмары? Кто тут под водой атаковать может? – не поверил я.

Вообще-то, за Крысобоем склонность к розыгрышам раньше не замечалась, но, вполне вероятно, его Музыкантская накрутила. После того как мы покинули Фаргал, где я познакомился с ней, они прямо-таки спелись. Видно, вспомнили старую дружбу.

– Аборигены. Лорд Джудд им в хвост, – нервничал Крысобой.

– Какие аборигены? Какие тут аборигены под водой могут быть? – огрызнулся я.

– Слушай, ты трепотню разводить будешь или мозговать, как нам из переплета выкрутиться! – распахиваясь Крысобой, подсакивая к прозрачной стене.

Вглядываясь в подводный сумрак, он нервно отстукивал какой-то ритм на поверхности пузыря.

– Они напали внезапно. Они хорошо вооружены. Они отсекли туннель, что нас с остальными связывал. Короче, мы теперь в полной изоляции. Там битва кипит. Они окружили пацанов со всех сторон и теперь травят, а мы и подсобить ничем не можем.

– Чем вооружены дикари? – спросил я, натягивая на себя комбинезон индивидуальной защиты, в котором я мог путешествовать на глубине.

Голову мне обтянула прозрачная пленка, через которую я мог дышать. Уж не знаю, в чем заключался ее принцип, но воздух для моего организма она высасывала из воды и туда же возвращала то, что я выдыхал.

– Хрен их знает. Что-то типа скорострельных пулеметов. Они огнем шпарят, – ответил Крысобой. – Или колючками светящимися.

– Туннель восстановить можно?

– В принципе это реально, – сказал Крысобой. – Но время нужно. А у нас его нет. Братве не поможем, погибнут все, и никакой лорд Джудд не выручит.

– Марк, выходить надо, – вывел я решение. – Костюмы с Ренаткой напяливайте и к шлюзу, а я пока посмотрю, что у нас по части оружия.

Крысобоя долго упрашивать не пришлось. Он тут же скрылся и загрохотал басом, подгоняя Музыкантскую.

Я выбрался из комнаты-капсулы в оружейную, – так на скорую руку в первый день я окрестил пузырь, заставленный пластиковыми шкафами-витринами, в которых висело оружие, предназначенное для подводных батальон, и подцепил первое, что бросилось в глаза. Скорострельный компактный автомат, бьющий антикоррозийными пулями. На легком сером корпусе стояло клеймо: «РАК-310380». Автомат я повесил за спину и рассовал по карманам комбинезона восемь обойм к нему. Я решил, что для аборигенов вполне достаточно и этого. Для верности я прихватил две гранаты, по форме напоминающие груши, и два легких пистолета «Стебель». Все оружие я вытащил к шлюзу, где меня поджидали Крысобой и Музыкантская, затянутые в костюмы жизнеобеспечения.

– Ну, что, вдарим по этим лишайникам, – предложил я, открывая шлюз.

Наши капсулы лежали у подножия скалы, которая возносилась к пределам подводного мира. По другую сторону скалы, чуть выше нашего дома, покоился на выступе комплекс пузырей, как яйца в птичьем гнезде, где обитали тринадцать человек – восемь мужчин и пять женщин. Наши капсулы и капсулы в гнезде соединялись извилистым переходом. Туннель был поврежден. Из разрыва хлестал воздух, который стены выцеживали из воды, и брешь вышвыривала его обратно в водное пространство. К пределу водного мира возносился веер пузырей, которые лопались на его изнанке.

Возле гнездовых пузырей вились серые тени и палили оранжевыми струями в жилые капсулы. Капсулы отражали вспышки огня, но молчали. Их обитатели не пытались противостоять агрессии и отсиживались за прочными стенами. Но долго так продолжаться не могло. Сумели же аборигены туннель разрушить. Значит, у них есть оружие, способное на подобные свершения, и скоро они додумаются применить его к жилым капсулам. Тогда в шоу сразу определится победитель, но рейтинги пострадают.

Аборигены, казалось, прочитали мои мысли. С того места на вершине скалы, где мы залегли, было отчетливо видно, как из расщелины поднялась грузная тень и зависла над нашим гнездовьем. То, что мне удалось рассмотреть, было похоже на огромного ската, на спине которого лежал организм (предположительно абориген), формами тела напоминавший человеческий. Руки аборигена, вытянутые вперед, цеплялись за пульсирующий нарост на теле ската.

– Кажется, нашим конкурентам жабы решили припудрить носик, – оценила расклад Музыкантская.

Ее голос из-под защитного комбинезона звучал глухо, словно со дна глубокого колодца.

– Вдарим по скату? – предложил я.

– Не достанем, – возразил Крысобою, – нужно подойти поближе.

– Успеем ли? – засомневался я, выныривая из укрытия.

Наше приближение засекли издалека; одиночные тени развернули оранжевые струи и направили их в нашу сторону. Я оттолкнул Музыкантскую и отмахнул приказ рассеяться, ныряя в заросли водорослей.

В царстве, где я оказался, можно было заблудиться и никогда не выбраться на волю. Переплетенные между собой лианы преграждали путь и таили в себе цветы, которые реагировали на мое приближение хищным оскалом бутонов. Попадающие в поле действия цветов рыбки гибли, засасываемые мощным водоворотом внутрь цветка и перемалываемые тройным рядом зубов. Тем же, кому удавалось выйти живым из травянистых зарослей, выпадала участь носить на себе лишайники и служить живым источником пищи для колоний паразитов.

Лишайники пытались напасть и на меня, но соскользнули с костюма, пронзенные электрическим всплеском. Похоже, сегодня им выпала честь познакомиться с новым подводным хищником.

Я вынырнул из джунглей прямо под брюхом ската, который раздувался, как шар, готовясь взметнуть гондолу с людьми к небу. Только что-то не верилось мне, что намерения аборигенов были такими же мирными. Вскинув «РАК», я полоснул очередью антикоррозийных пуль по брюху чудовища и нырнул обратно в джунгли.

Так.

На всякий случай.

И не просчитался.

Животное, изготовившееся к струйному удару по гнездовым капсулам, лопнуло, обдавая то место, где укрылся я, жаркой кровью и выплескивая из живота поврежденные внутренности. Вода, соединившись с кровью, стала на глазах превращаться в желе, запечатывая растения и почву в колышущийся прочный саркофаг, прoderнутый кишками ската, как венами.

Красивое зрелище. Только вот полюбоваться мне не удалось. Кровь прибывала в воду. Желе надвигалось. А мне как-то не улыбалось оказаться заживо замурованным. Потроша

джунгли растений перед собой веером пуль, я пробивался к спасению, только не знал, где его искать.

Я увидел границу джунглей, когда рост желе прекратился, а сверху закапала раскаленная магма, оставляя в воде за собой дымные следы.

В предсмертных конвульсиях скат все-таки сумел выстрелить. Я увидел это, выплыв из зарослей. Сгусток оранжевого пламени уходил в небо. Прицел ската дернулся, отправив снаряд мимо цели, но сотрясшееся пространство разбудило вулкан, к телу которого прилипли наши жилища. Вулкан мы по неопытности за скалу принимали.

Я заозирался по сторонам в поисках врага, но, пока я делал кесарево сечение пушке-скату, Крысобою и Музыкантская расправились с живой силой противника, выкосив порхающих над гнездовыми пузырями аборигенов. Их трупы течение уносило прочь от нашею поселения, однако Марка и Ренату я нигде не видел. У меня складывалось такое чувство, что они провалились под дно.

Разобраться в своих ощущениях я не успел, схлопотав чем-то твердым по черепушке. Костюм смягчил удар, но восприятие мое поплыло, и я отправился в колыбель подсознания.

Глава вторая

*Для правительства солдаты – не люди, а шашки на доске:
убитый солдат – шашкой меньше, а раненый – двумя шашками меньше
(поскольку за ним нужно еще и ухаживать).*

Джо Холдеман. 11 тезисов военнотружущего Холдемана

Я парил над городом вычурно-белых куполов, напоминающих кладку яиц. Купола купались в оранжевой дымке и перемигивались внезапными вспышками зеленого цвета, бьющего изнутри. Зеленый цвет на пике излучения выпускал алую стрелу, которая кончиком языка лизала недра купола.

Я знал, что передо мной раскинулся город, состоящий из тринадцати куполов, но я не увидел ни одного человека, ни одного корабля. За исключением зеленых вспышек город оставался недвижим.

Я парил целую бесконечность. Я нырял в туманности и выплывал у самой земли, глотая пересошим ртом песчаную пыль, которая на вкус казалась горячим шоколадом.

Солнце плавилось и постепенно уползало за горизонт.

Купол возле меня покрылся трещинами и раскрылся цветком, выпуская из себя темную фигуру, укутанную в легкую колышущуюся ткань. Фигура вылуплялась из недр купола и поднималась над ним – стрелой устремляясь к небу.

Меня охватили восторг и восхищение, когда я наблюдал за тенью, медленно тянущейся к солнцу. Я радовался, как годовалый малыш, уткнувшийся в грудь матери.

Фигура уронила свои покровы. Передо мной предстал обнаженный мужчина, литый из золота. Мужчина тянулся ввысь, касаясь пальцами рук раскаленного шара солнца. На его плече, распахнув паруса крыльев, готовилась к взлету двухголовая летучая мышь.

Я открыл глаза. Такое ощущение, что веки нашпиговали тонкими – с волос – раскаленными иглами. Я лежал на водяном матрасе, а мой лоб облепила мокрая тряпка, которая вызывала жжение.

Я смахнул тряпку рукой и поднялся с матраса, брошенного по центру комнаты-капсулы, совершенно мне незнакомой. Похоже, меня закинуло в комплекс, который мы защищали с воды.

На полу возле стены сидела девушка. Она всматривалась в темень. Густая копна рыжих волос, распущенная по спине, – вот все, что мне было видно.

Когда я вступил на пол, девушка встрепенулась и уставилась на меня.

– Вы уже поднялись?

– Ну... – протянул я. – Вроде бы это я, но, честно говоря, ручаться не могу.

Вдоль стены капсулы снаружи скользнула маленькая юркая рыбка, похожая на пылесос с приклеенными плавниками и хвостом.

– Долго я провалялся?

– После того как вас принесли, минут сорок, – ответила девушка, заглядывая мне в глаза.

– А кто меня по черепу ушиб?

Я потерял зону поражения на голове. Под волосами родосской колонной торчала шишка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.